Липецко-Елецкая епархия

Задонский паломник

№ 40 2004 г.

По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

В НОМЕРЕ:

ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

ЦЕРКОВЬ – ЭТО КОРАБЛЬ СПАСЕНИЯ

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«Об усыновлении нашем Богу»

НЕПРАВЕДНЫЙ УПРАВИТЕЛЬ
Историко-археологическое изложение евангельской притчи

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с Кавказским пустынником «О молитве за ближних»

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ, ЛИПЕЦКИЙ БЛАЖЕННЫЙ

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ
Заповеди блаженства

ЗНАМЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ВОЗРОЖДАЕТСЯ
Когда Елец отстроен был вновь...

«НЕ СУДИТЕ, ДА НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ»
Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

АРХИМАНДРИТ ИСААКИЙ (ВИНОГРАДОВ)

К МАМЕ

ПИСЬМО ОТ БОГА
Учимся вместе с детьми

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

и другое...

Вера святая восхищает к Небесам и Бога, от Которого начало имеет, усердно искать побуждает.

Святитель Тихон Задонский

Любите друг друга!

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь.
Преставление апостола и евангелиста Иоанна Богослова.
9 октября 2004 г.

Сегодня мы вспоминаем великого апостола любви – евангелиста Иоанна Богослова, любимейшего ученика Господа нашего Иисуса Христа.

Когда Бог творил мир и человека, то добродетелью и основанием всего положил добродетель любви. Любовь царила везде: и между животными (когда ягненок находился со львом), и среди людей, наших прародителей. На основах любви весь мир сиял неизреченной красотой, чтобы человеческий взор всегда находил бы подтверждение слов Господа: «*Вся добро зело*» (Быт. 1, 31), – очень хорошо все было сотворено.

Человек нарицал имена животному миру, беседовал с Богом, как мы сейчас беседуем друг с другом, совершенствовался и, как сказано, «возделывал Рай» (см. Быт. 2, 15).

Что такое райская жизнь? Это жизнь в любви. Когда теряем любовь – мы утрачиваем рай. А любовь теряется нарушением закона Божиего. Возьмем, к примеру, семью: когда мы начинаем идти против отца, матери, в семье исчезает понимание, мир, появляется озлобленность, недовольство, непослушание родителям и т.д. – семья разрушается, когда мы никого не любим.

Так вот, райская жизнь у наших прародителей была до тех пор, пока они не нарушили закон Божий. И тогда произошли страшные катаклизмы как в человеческой душе, так и в природе: возникла озлобленность, начались стихийные бедствия, проявилась в человеке жестокость – вне Рая мы видим Адама, уже закрытого кожей животного. В мире появляется дисгармония: земля произращает колючки, ядовитые, хищные растения, поедающие насекомых; животные, возненавидя человека, венца творения, нарекавшего им имена, теперь агрессивно относятся к нему... Так одним непослушанием распалось стройное созвучие мира...

И до сего времени мир наш разрушается. Люди, которые живут с Богом и в Боге, стремятся к утерянной гармонии, к слиянию человека с Богом – в молитве, добрых делах, в любви. Они стараются так наладить свою жизнь, чтобы она соответствовала жизни христианской. Мы – последователи Христа, поэтому нужно стараться соблюдать Его законы и заповеди, чтобы называться христианами. Ради любви и сохранения гармонии в мире мы должны идти на все, даже жертвуя собой, своей гордостью, самостью. Вся наша жизнь – это борьба со грехом.

Но если человек все же впадает в гордость, он не может самостоятельно выйти из нее. Мы знаем: через гордость первоначально пало треть небесного воинства, и до сего времени они, отпадшие ангелы, не могут покаяться – прийти и сказать: «Господи, прости – согрешили пред Небом и пред Тобою!» Как не покаялись затем и наши прародители, когда они согрешили пред Богом в нарушении Его заповедей. Вместо этого Адам стал ссылаться на Еву, обвиняя Бога: «*Жена, юже дал еси со мною, та ми даде от древа, и ядох*» (Быт. 3, 12).

И постоянно мы оправдываемся. Мы считаем: «**Кто-то** виновен в том, что я согрешил, чего-то не то сделал, чем-то оскорбил Бога. **Кто-то** виноват – вот эта власть, например, которая порушила храмы – она виновна в том, что перестало проповедоваться слово Божие среди народа. А нам некуда было прийти, поисповедаться, покаяться...», – и т.д. Мы ссылаемся на все, что угодно.

А почему попустил Господь разрушить храмы? Да, вероятно, потому, что там уже царили только мерзость и запустение. А отчего были разрушены все монастыри? Да оттого, что они, по-видимому, не соответствовали своему назначению: не обреталось там молитвы, а лишь роскошь, сияние, золото, красивые иконы и красивые одежды...

Но, вы думаете, мы сейчас далеко отошли от того уровня? Да мы превзошли его! Ведь в то время еще не было таких тканей, какие производятся теперь, не было таких красивых четок, какие мы сейчас имеем. И ныне мы богаты еще и тщеславием, показной молитвой... До революции еще оставалось хоть немного истинных молитвенников. Но если сейчас будет разрушение всего (а оно

будет), то нам уже невозможно сказать: «Господи, неужели в монастыре, в селении или в городе не было пяти праведных человек?!» – и пяти не найдем...

Апостол Иоанн Богослов всех призывал: «Братие, любите друг друга!» – он старался всех примирить. Будем же молиться ему, почитать его, любить. И любовь наша пусть выражается в любви к ближнему. Ведь и сам он обладал неподражаемой любовью: вы помните, как юноша, которого он вручил священнику, уклонился в один преступный отряд – так апостол Иоанн (старый человек!) бежал за этим юношей, чтобы привести его опять ко Христу. А кто из нас сейчас так сделает? «А, убегаешь? Пожалуйста! Не хочешь молиться – пожалуйста! Не хочешь слушать слово Божие – да, пожалуйста, иди, не слушай!» Разве не так?

Когда сравнивают Православную Церковь с католической, встречается иногда определение: у католиков пастырь бежит за паствой, а в Православной Церкви паства догоняет пастыря. И он бежит от нее: «Да мне некогда! У меня семья! У меня проблемы! Да вон уже и машина стоит – мне сейчас нужно ехать! У меня...», – и пастырь уходит от верующих. От тех, которые нуждаются в покаянии, исправлении, в назидании, научении. От тех, которые идут ко Христу. Через пастыря. Ведь Господь сказал каждому пастырю: «*И еже аще свяжеши на земли, будет связано на Небесех: и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на Небесех*» (Мф. 16, 19). «*Имже отпустите грехи, отпустятся им: и имже держите, держатся*» (Ин. 20, 23). Священник – посредник между Богом и человеком. Да, люди, которые молятся – они непосредственно беседуют с Богом. Но только через пастыря прощаются им согрешения, и без него никакие великие старцы или старицы не смогут разрешить человека от грехов. Через пастыря человек соединяется с Богом в Таинстве Причастия. Какой бы ни был пастырь – плохой, нехороший – но Господь дал ему власть совершать все Таинства, на нем почивает благодать Божия...

Апостол Иоанн Богослов – не просто великий апостол любви – он написал Евангелие (а это слово переводится, как «благая весть»), Евангелие с полетом орла, в духе – одухотворенное писание. Мы видим, что другие евангелисты писали – каждый с контекстом той жизни, в которой им пришлось находиться, с тем настроем, который они имели в душе. Допустим, евангелист Лука был ученый муж, а евангелист Марк больше всего проповедовал о Христовых чудесах, о бесноватых; один обрисовывал все более материально, а Евангелие другого создано с учетом психологии еврейского народа...

Апостол Иоанн Богослов

А вот Евангелие апостола Иоанна Богослова начинается так: «*В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово*» (Ин. 1, 1). Понятно ли, что заключено в этих словах? Величайшее учение Православия – о Боге: в начале ни мира, ни звезд – ничего не было, кроме Бога. В начале был Бог-Слово. А Слово – это Бог...

И вот, дорогие, до сего времени апостол Иоанн призывает через Евангелие, чтобы мы любили друг друга. И наша любовь должна проявляться не только в словах. А то бывает так: «Я тебя люблю!» – но по-твоему я все равно делать не буду. «Я тебя люблю!» – но моя жизнь все равно должна быть вот такой, а не какой ты хочешь, чтобы я жил. Любовь заключается в отсечении своей воли. Иисус Христос отсек Свою волю, и Бог-Отец послал Его спасать нас – весь мир. Было определено, что Господь должен пострадать за нас и умереть. И Он пошел выполнять послушание Своего Отца. Почему мы и говорим, что Крест Христов очень тяжел. Это – страдание и смерть, это поношение, гонение, унижение, оскорбление... Так Христос пострадал и так был послушлив Своему Отцу – даже до смерти. И в этих страданиях Он восклицал: «*Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты*» (Мф. 26, 39).

И мы должны так жить. И если к нам приходит чаша страданий, болезней, испытаний, то мы не должны роптать: «Господи, почему Ты меня оставил?» Он сейчас никогда и никого не оставляет. Иисусу Христу, чтобы искупить нас от падения прародительского, нужно было пострадать, и поэтому Он испытал богооставленность. А мы сейчас – только воздохни с верой! – и Господь поможет и придет. Он у дверей каждого сердца стоит и стучит (см. Откр. 3, 20), – чтобы эту дверь открыли. А мы не хотим открывать.

Но апостол Иоанн Богослов призывает нас, дорогие, чтобы мы жили в любви и послушании. А если нет любви, то хотя бы терпели друг друга, потому что и в Священном Писании сказано: «*В терпении вашем стяжите души ваша*» (Лк. 21, 19), – это последняя надежда на спасение – стяжать если не любовь, то хотя бы терпение. И когда мы болеем или приходят к нам скорби и нестроения, то вспомним, что они не такие, какие были взяты Господом нашим Иисусом Христом – они намного меньше.

Еще раз поздравляю вас с праздником и призываю на вас, молитвами святаго апостола и евангелиста Иоанна Богослова, Божие благословение!

Игумен Гермоген (Крицын), наместник Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря

ЦЕРКОВЬ – ЭТО КОРАБЛЬ СПАСЕНИЯ

В июле 2004 г., по благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона, приступил к обязанностям наместника Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря игумен Гермоген (Крицын). За сравнительно недолгий срок своего служения в Самарском Иверском монастыре отец Гермоген приобрел заслуженное уважение и любовь прихожан как пастырь добрый, окормлявший множество людей, приходивших к нему за советом и молитвенной поддержкой.

Поздравляя отца Гермогена с новым столь ответственным назначением, мы желаем ему умножения духовной благодати и покровительства святителя Тихона Задонского, чье подвижничество было связано с Задонской обителью и чьи святые мощи почивают в монастыре.

Предлагаем вниманию читателей фрагменты беседы с игуменом Гермогеном, состоявшейся незадолго до его отъезда из Самары, в канун праздника Вознесения Господня.

Коллектив редакции

Многие спрашивают: как спастись сегодня? Почему человек задает такой вопрос? Потому что ситуация сложилась такая, что человек видит и в духовенстве, и в прихожанах, и в окружающих его людях ослабление духа. Дух слабеет, а вера – вера маловерная, нет полной отданности тому призыву, тому пути, той жизни, на которую зовет нас Господь Иисус Христос через Святое Евангелие. Потому мы и говорим: «спасение сегодня». Но как учит апостол Павел, – *«Христос вчера и днесь Той же вовеки»* (Евр. 13, 8). Благодать Его не оскудевает – это мы оскудеваем, это мы ленимся, это мы ослабеваем под ударами соблазнов. Мы слабые, немощные, не выдерживаем и теряем себя в этом бушующем море. Поэтому и задача наша такова: держаться строго корабля Святой Православной Церкви.

Вот и сейчас Промысл Божий в том, что Зарубежная Церковь во главе со своим Предстоятелем Митрополитом Лавром, приезжавшим в Россию, стремится соединиться с Матерью Церковью. Церковь – наша Мать, она гонима, она находится в тяжелом испытании. Какая бы ни была политическая ситуация, Церковь все равно остается Церковью, и немощи наши – они не влияют на святость нашей Церкви. Церковь свята и непорочна. Она – столп и утверждение истины. В ней Господь заложил – как большие сокровища – благодать Духа Святаго, и совершаются в ней Его Таинства.

Немощи человеческие у каждого есть: и у меня, и у тебя, и у священника в твоем приходе. Нам нужно не смотреть на немощи человеческие, а любовью покрывать эти немощи. Вот только тогда мы будем правильным идти путем – тем, который Господь нам определил.

...Господи, какой я немощный, Ты пришел на землю ради меня, пострадал, а я не хочу за себя пострадать, за свою греховность, подобно разбойнику благоразумному. Вот поэтому корабль наш идет прямо, что кормчий нашего корабля – Господь; наша Церковь Русская Святая Православная – Церковь великая, святостью обладает, поэтому она жива. И дай Бог, она будет до конца света, *«и врата ада не одолеют ее»* (Мф. 16, 18). Мы должны быть Ей верны и идти праведным путем в Ней – в Царствие Небесное.

...Чадам духовным могу сказать: Господь оставил нам праздник Вознесения Христова, и как бы невольно приходит вопрос – ну почему же Господь не остался с нами здесь, чтобы нас воспитывать, чтобы нас учить? Но Господь не мог оставаться здесь, на земле, Он сказал: *«Если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам»* (Ин. 16, 7) – и отошел, чтобы предуготовить всем верующим в Него обители небесные. Послал же Господь нам Духа Утешителя здесь, в Церкви. По святому Евангелию, святым книгам, то есть церковному учению, мы под ее духовным руководством.

Как говорил один святой подвижник, богослов, каждый человек должен искать себе духовного руководителя. Мне понравилось, как он сказал: вы должны, во-первых, молиться, вымолить его; потом – искать, присматриваться, испытать его и искусить его, чтобы он был сродный тебе по духу, чтобы его слово отозвалось в твоем сердце.

Пусть какие-то немощи и в нем есть, но он говорит правильно – и Евангелие открывает правоту его действия. У него немощи есть, каждый человек немощен, лишь Господь безгрешен. Но зато он правильно ведет свою жизнь и другим помогает ее вести. Он пастырь, он идет – и мы должны идти за ним. Вот таких пастырей надо искать. Они, конечно, есть и в Самаре, и в другом регионе есть, но чтобы найти их, надо молиться...

Идя к своему старцу, своему духовному отцу, священнику с вопросом «Что делать?», прочитай акафист; нет времени – прочитай «Богородице Дево, радуйся...» несколько раз; нет времени – прочитай «Отче наш» и положи поклоны по силе и возможности, воздев руки: «Господи! Открой через него волю Твою, я не хочу погибнуть, я хочу спастись! Только Ты можешь все управить!» И человек тот будет орудием, и воля Божия будет совершаема независимо от его действий, его жизни и состояния – по твоей вере.

А самое главное, – я уже имею в этом опыт, – что в каком бы месте я ни служил, в моем сердце остается маленькая частица этого прихода. Вот я вожу с собой помянник, в нем записаны и священники, и мирские люди из многих приходов, разных городов, епархий за все время моего служения. Останутся они записанными и в помяннике моего сердца. И из этого региона, из города Самары, я их повезу с собой в другой монастырь и там буду за них молиться.

Конечно, я верю, что и они будут за меня молиться, и я даю обещание, и это мое пастырское слово, и без него нет смысла жизни. Для духовного общения границ, расстояний, времени не существует. Любовь – это духовное состояние, и если мы входим в состояние общения в любви, вот тут и совершается наше общение. И человек чувствует, что молитва любви, маленькая молитва, но идущая из глубины сердца с любовью, с волнением, с переживанием о другом человеке, – она обязательно действенна. Обязательно Богом она услышана и, конечно, когда основана на законе евангельском, – она бывает исполнена.

Подготовил Игорь Ефимов, «БЛАГОВЕСТ», № 17. 2004 г. Самара

Святитель Тихон Задонский

Краткие нравоучительные слова

слово третье

Об усыновлении нашем Богу

Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими **(1 Ин. 3, 1).**

О, благость! О, человеколюбие Божие! О, сколько превозмогла Божия любовь! О, как изобильно преизбыточествовала Божия благодать! Бедные и отверженные грешники чадами Божиими сотворились! Этому удивляется апостол Христов и говорит: *Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими.* Что может быть удивительнее, чем грешнику сотвориться чадом Божиим? Божия любовь к человеку сотворила это. Что преславнее, чем называться и быть чадом Божиим? Божия благодать подала это человеку. Славно быть чадом земного царя, но несравненно славнее быть чадом Бога, Царя Небесного. Эта честь, слава, достоинство, благородство и имя — все титулы мира сего несравненно превосходит. Слава за это человеколюбцу Богу!

Если же христиане — дети Божии, то и наследники: *наследники Божии, сонаследники же Христу* (Рим. 8, 17). Если они дети Божии, то кого и чего им бояться? Зачем бояться клеветников, врагов, диавола, демонов, смерти и ада? Бог за них стоит: *Если Бог за нас, кто против нас* (Рим. 8, 31)? Этот высочайший дар Божий мы в крещении получаем, ибо тогда мы от Бога рождаемся и этот преславный титул получаем.

Возлюбленные христиане! Вспомним святое крещение и высочайшую Божию милость, оказанную нам тогда. Сделались мы тогда детьми Божиими. Слава Богу за это! Но от детей требуется, чтобы они родителям подобны были: *Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух* (Ин. 3, 6). Потому должно и христианам, как от Бога рожденным, уподобляться Богу. Так покажем делом, что мы — чада Божии.

Свят Бог, — будем святы и мы. Праведен Бог, — будем праведны и мы. Благ Бог, *ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 45), — будем благими и мы, и сотворим благое друзьям и врагам нашим, любящим нас и ненавидящим нас. Милосерден Бог, — будем милосердны и мы, и окажем милость бедствующей братии нашей. Бог ненавидит грех, — возненавидим и мы всякий грех и от всякого греха отвратимся. Любит нас Бог, — возлюбим и мы друг друга. Прощает Бог согрешения нам, когда каемся, — простим и мы согрешения людям.

К этому призывает нас апостол Христов: *Подражайте Богу, как чада возлюбленные* (Еф. 5, 1). Если такие нравы покажем в себе, то истинными чадами Божиими будем, и наследие, и все блага, чадам Божиим обещанные о Христе Иисусе, Господе нашем, получим. Аминь.

Архиепископ Лоллий (Юрьевский)

НЕПРАВЕДНЫЙ УПРАВИТЕЛЬ

(Лк. 16, 1-14)

Историко-археологическое изложение притчи

В этом году 2 декабря Святая Церковь предлагает евангельское чтение – притчу о неправедном управителе. Эта притча считается самой трудной для толкования, настолько трудной, что некоторые толкователи совсем отказывались от толкования ее, полагая, что смысл заключительного изречения Господа мог быть искажен переписчиками. Однако это совершенно напрасно смущает многих. Мы публикуем прекрасное истолкование ее, сделанное глубоким знатоком Древнего Востока, архиепископом Лоллием /Юрьевским/ (род. 1875 г., ум. 11 февраля 1935 г.).

I

Лк. 16, 1-8: «*Один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его; и призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? Дай отчет в управлении твоем, ибо ты не можешь более управлять. Тогда управитель сказал сам себе: что мне делать? Господин мой отнимает у меня управление домом; копать не могу, просить стыжусь; знаю, что сделать, чтобы приняли меня в домы свои, когда отставлен буду от управления домом. И, призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: сколько ты должен господину моему? Он сказал 100 мер масла. И сказал ему: возьми расписку твою и садись, скорее напиши: 50. Потом сказал другому: а ты сколько должен? Он отвечает: сто мер пшеницы. И сказал ему: возьми расписку твою и напиши: 80. И похвалил господин управителя своего, что догадливо поступил: ибо сыны века сего догадливее сынов света в своем роде*».

Лк. 16, 9-14: «*И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители. Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом – неверен и во многом. Итак, если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное? И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше. Никакой слуга не может служить двум господам. Не можете служить Богу и маммоне. Слышали все это и фарисеи, которые были сребролюбивы, и они смеялись над Ним*».

Эта притча о неправедном управителе в ряду всех речей Господних занимает особенное положение. Составители не только сказаний о земной жизни Христа Спасителя, но даже специальных толкований Евангелия, обычно стараются обойти ее молчанием как темную и исключительную по своему содержанию. Враги же Церкви Христовой, пытаясь унизить достоинство нашего Божественного Учителя, намеренно выдвигали эту притчу на вид, как в высшей степени неудачную, ни с чем несообразную и даже нравственно несостоятельную. Сколько несправедливых нареканий доставила эта притча нашему Божественному Учителю от ложных мудрецов нашего века! Его обвиняли в наивном непонимании подлинной человеческой жизни, ибо приточный Управитель простовато полагает, что кто-то будет целый век кормить и поить его за то только, что он на несколько рублей уменьшил должникам и без того незначительный долг. Обвиняли Господа нашего и в явном незнании национального характера еврейских богачей: приточный богач, разоряемый своим управителем, да еще похваляющий убытки, нанесенные ему мошенничеством, взят не из жизни, а является плодом неудачной фантазии. Обвиняли Христа и в незнании общественно-государственной жизни: Его управитель и должники даже не подозревают о существовании уголовного суда, который мошенников и воров не поощряет и не милует. Обвиняли Спасителя и в более худшем – в прозрачном одобрении и сочувствии Его обману и мошенничеству. Но странно, что никто из лжеученых борцов против христианства не направил своего внимания вот на

какое обстоятельство: когда Спаситель изрек эту свою притчу, никто не обратился к Нему с недоумениями и за каким-либо разъяснением; следовательно, она была всем ясна и понятна. Так как эта притча была произнесена Христом Спасителем одновременно с притчей о блудном сыне, то ясно, что блудный сын и неправедный управитель – ясные и понятные всем во времена Христа Спасителя, стали темными и загадочными впоследствии, когда изменились условия общественно-экономической жизни в Палестине, и современный Христу быт евреев подвергся забвению. Успехи исторической и археологической наук в новейшее время дают возможность восстановить подлинный смысл и значение столь пререкаемой притчи нашего Спасителя. Чтобы наглядно представить этот истинный смысл и запечатлеть его в умах и сердцах читателей, мы развернем во всей полноте одну из тех картин древнееврейской жизни, которые дали Христу Спасителю осязательный материал для Его Божественной притчи.

II

(Лк. 16, 1-8). Громоздкий, тяжелой архитектуры, двухэтажный, гранитный, с коринфскими колоннами дом, стоявший у водоема Селах против «царского» сада, был очень хорошо известен почти каждому иерусалимскому еврею. Дом этот принадлежал одному из тех иудейских «князей», которые держали в своих руках почти всю торговлю древнего Востока и в то же время среди своих соотечественников слыли за людей праведных и благочестивых, верных блюстителей закона Моисеева.

В одной из многочисленных комнат этого дома с белоснежными мраморными полами, с роскошной обстановкой, доставленной из Рима, сидел сам владелец его Рехум-бен-Габбай. Перед ним с подобострастным видом стояло два человека, далеко не равного с ним происхождения и состояния. Впрочем, один из них и по одежде, и по манерам производил впечатление человека делового, зажиточного и аккуратного. Это был казначей Рехума, служивший у него уже много лет. Второй, по имени Шимей, был новичок, лишь в первый раз попавший в этот роскошный дом богача.

К нему-то и обратился с речью Рехум: «Мне рекомендовал тебя один из моих друзей, твой бывший владелец, давший тебе свободу».

Новичок низко поклонился. «В одном из моих имений, – продолжал Рехум, – сейчас свободна должность Управителя. Я не хочу отдать эту должность кому-нибудь из своих рабов. Среди них нет сейчас расторопного и опытного человека. Да если бы и нашелся такой, то от моих должников не было бы мне покоя с вечными жалобами на его грубость и нахальство. Поэтому во все свои имения я обычно назначаю управителями не рабов своих, а чужих свободоотпущенников. Если хочешь, то я во внимание к рекомендации моего друга, назначу тебя на свободную должность Управителя в своем Эн-Шемемском имении». Свободоотпущенник выразил полную готовность и, как мог, благодарил за это богача.

«Ты, конечно, знаешь, – сказал Рехум, – что это имение мое неплохое. Там есть и пахотное поле, и фруктовый сад, и большой виноградник, и масляничный сад. Все эти участки отдаются разным лицам в аренду. Каждый арендатор – мой должник, который по сборе плодов и урожая должен через Управителя вносить моему казначею определенную годовую плату за пользование тем или иным участком... Итак, ты согласен? Все подробности по делу управления и по вознаграждению тебя сообщит тебе мой казначей». И Рехум сделал рукою знак, что аудиенция кончилась. Оба посетителя вышли.

«Так вот знай, Шимей, – говорил Управителю казначей в своей квартире после получасового объяснения всех обязанностей по должности, – этот арендатор сада масличных деревьев должен доставлять тебе ежегодно 50 батов оливкового масла. Ты должен это масло продавать по иерусалимской цене и деньги представить мне. Арендатор-хлебопашец должен доставлять тебе ежегодно по 80 коросов белой пшеничной муки. Ты муку должен обратить в деньги и представить мне. Таким же образом ты должен поступить и с другими арендаторами. Так как срок аренды теперь кончился, то ты с каждым арендатором должен заключить вновь контракт на несколько лет, лучше всего на шесть – до субботного года. Все контракты или расписки должны храниться у тебя».

Дом богатого человека в Иерусалиме

«А какое же мне будет вознаграждение за мой труд?» – спросил новый Управитель. – «Вознаграждение обычное: определенной платы управителям у Рехума нет. Каждый управитель имеет право выторговать себе с арендаторов, сверх причитающегося владельцу, еще несколько мер муки, елея, вина и так далее. А чтобы твое содержание было более верно, ты можешь, как и всякий управляющий, требовать, чтобы твоя доля тех или иных продуктов была вносима в контракты и присоединяема к сумме Рехума».

Получив должные указания и разъяснения, новый Управитель вышел от казначея. «Да, как же! – ворчал он про себя. – Можешь, говорит, выторговать 55 батов. Я не дурак. Я уже несколько раз осматривал это имение. Там не 55 можно взять, а если 100 батов содрать с арендатора, так и то он в убытке не останется. Да и хлебопашец может дать не 80 коросов, а вдвое больше. Впрочем... нет. Вдвое не даст: у него там работы много. Да и хлеб вообще дает меньше доходов, чем масло или вино. Ну да с него 100 коросов мож-

но взять. Если прежние не дадут, найду новых, а сделаю по-своему».

И стал новый Управитель, вступивши в должность, заключать с арендаторами новые контракты, блюдя не только интересы Рехума, но не забывая и себя. Имение, действительно, было очень хорошее, и все арендаторы получали значительный доход. Правда, вымогательство и поборы нового Управителя тяжелехонькими им приходились. Но что же делать? И прежние Управители тоже не миловали их.

«Намаялся я, будучи рабом, – рассуждал сам с собой Шимей. – Теперь заживу в свое удовольствие. Денег будет у меня немало. У иного купца столько не бывает. Ведь каждый год буду для себя брать 50 батов елея. А это значит 200 ведер, или 8000 рублей серебром. Буду брать в свою пользу 20 коросов муки, а это ведь 400 четвертей, или 4000 рублей. Вот уже ежегодно 12000 рублей серебром есть. А там еще виноградник да фруктовый сад. Ну, чем я тоже не богач? Заживем теперь весело! Найду себе компанию, с кем повеселиться и покутить».

И стал новый Управитель проводить жизнь веселую, разгульную. Все, что ни получит в свою пользу, прокутит вместе со своими приятелями, которых у него стало много. Завелись и приятельницы, которые поглощали все больше денег. Стал он по жизни, словно блудный сын, «*изъядый имение свое с любодейцами*». Так жил он целых три года.

Хотя владелец имения непосредственно и не вмешивался в хозяйственные дела, да и жил он в Иерусалиме, однако, и до него стали доходить кое-какие слухи о разгульной жизни Управителя. Наконец, к нему поступил от кого-то злостный донос, что Управитель расточает его имение. И Рехум-бен-Габбай решил разгульного Шимея вызвать к себе.

«Что это я слышу о тебе? – строго спросил Рехум своего Управителя, когда тот явился к нему. – Ты ведешь жизнь распутную, мотаешь деньги. Где ты их берешь, Управитель Неправедный? Откуда у тебя такие суммы, что вечно устраиваешь пиры и окружаешь себя любодейцами? Мне рекомендовали тебя как человека степенного и честного. А ты оказался чуть не пьянчужкой и развратником. Вероятно, не свои, а мои деньги прогуливаешь, пропиваешь да проедаешь. Представь мне отчет по имению и убирайся! Я – иудей трезвый, строгий и благочестивый. Пьяниц и мотов я не терплю. Ты более управлять не можешь. Ступай!»

Строгая речь богача, не любившего шутить, очень подействовала на Шимея.

«Прогонит... В этом сомнения нет, что прогонит, – думал он про себя. – Конечно, все, что назначено, я исправно доставлял его казначею. В этом бен-Габбай ко мне не прицепится. А вот за разгульную жизнь он прогонит, обязательно прогонит: трезвый и благочестивый он иудей. Ну, что теперь буду делать? Сколько денег прожито, пропито, проедено! Ни одной драхмы не оставлено на черный день. Все спущено. Ну, куда теперь деваться? Без рекомендации ни к кому не попадешь, а Рехум хорошего отзыва обо мне не даст. Разве наняться в виноградники копать? Так я давно от тяжелого труда отвык. Сил на это уже нет. Пойти милостыню просить? Стыдно перед людьми и приятелями. Кругом везде меня знают».

Масличная роща

«Как он меня назвал? – продолжал разговаривать сам с собой злосчастный свободоотпущенник. – Да! "Управитель неправедный". Как неправедный? В чем? Все, что велено было взыскивать с арендаторов в пользу Рехума, я взыскивал, продавал по дорогой цене и аккуратно представлял казначею. Ни одной драхмы или лепты хозяйской не утаил. Интересы Рехума ни в чем не страдали. Ишь ты: "Управитель неправедный"!»

Но тут в глубине души его что-то зашевелилось, голос совести вдруг заговорил в нем.

А что, как и в самом деле «неправедный»? «Интересы Рехума не страдали». ...Как же не страдали? Ведь ты должен был сообщить ему: это – с арендаторов без всякого убытка для них.

Да только ли против Рехума «неправеден» ты был? А арендаторов забыл? Разве по 50 коросов да по 20 батов ты должен-то брать с них? А ты что делал? Люди до пота трудились и день, и ночь, а ты их трудовые деньги поглощал, проедал со своими прихлебателями, а вот настоящих тружеников чуть до беды не довел. У одного жена сколько времени была больна; последние деньги прожил, а тебе и горя мало. Тебе вынь да положь! У другого детей куча, да тоже то один, то другой захворает, перебивается кое-как. А ты с ножом к горлу пристал: давай, что обещался контрактом.

«Боже мой, Боже мой, что я делал! – приходя в себя, мучился "неправедный Управитель" в своем сознании. – Разве так можно жить? Только грешил да вредил себе и людям. Куда теперь деваться? Разве этим приятелям и любодейцам нужен я буду без денег, без должности? Кто возьмет меня, кто приютит?»

Но вдруг его осенила счастливая, благодатная мысль. «Знаю, что сделать, – решительно сказал он себе. – Знаю, кто меня может приютить у себя, когда отставит меня Рехум». И на сердце у него вдруг стало тепло и светло. Он тотчас послал за арендатором масличного сада. И когда тот явился, спросил у него: «Сколько ты должен ежегодно давать масла по своей расписке на имя владельца?» – «Что же спрашиваешь? Сто батов». – «Вот твой контракт. Бери его, а сейчас садись и давай новую расписку».

Арендатор удивленно посмотрел на Шимея, но сел, со страхом ожидая нового вымогательства. «Теперь пиши 50», – сказал ему Управитель. «Что это значит? – воскликнул арендатор. – А куда же девать остальные 50? Неужели... неужели ты даришь их мне?» – «Да, дарю тебе», – с мягкой улыбкой ответил Шимей. «Но ведь по условию я еще три года буду пользоваться масличным садом. Значит, ты свой доход отдаешь мне на эти года?» «Да». «Но ведь это будет уже 150 батов, все равно что 600 ведер. Ты, значит, даришь мне 24000 рублей?» «Выходит, так». «Да благословит тебя Бог Израилев! Благодарю тебя, Шимей! Отныне я – твой слуга, твой раб. Пользуйся мной, я в твоем распоряжении». «Не забудь меня в моем несчастье», – тихо сказал ему Управитель.

По уходе этого должника Шимей послал за другим арендатором. «Ты сколько должен каждый год давать по своему контракту муки?» «Сто коросов». «Возьми свое обязательство, садись и пиши новое, только не на 100, а на 80 коросов, какие следуют Рехуму, а мне больше не надо ни одного короса. Пусть они пойдут тебе и твоей семье».

И снова от удивленного арендатора посыпались слова искренней благодарности, ибо за три года ему возвращалась мука почти на 12000 рублей.

Так было и с остальными арендаторами.

Раскаявшийся в своей блудной, расточительной жизни «Неправедный управитель» круто изменил свой образ жизни.

Еще не успел Шимей явиться к хозяину с последним отчетом, как тому казначей и еще кто-то успели доложить о разнесшемся слухе насчет щедрости Эн-Шеменского Управителя и происшедшей с ним перемены.

И удивился строгий, благочестивый Рехум такой самоотверженности своего «Неправедного управителя». И когда тот явился к нему с отчетом, то не только не устранил его от должности, но даже похвалил его, что он так благочестиво и благоразумно поступил.

III

(Лк. 16, 9-14). «Вы слышали эту притчу? – как бы так говорил Христос. Она всем вам понятна так же, как и притча о блудном сыне. Вы ни в чем не затруднились, слушая ее. Она не возбудила в вас никаких недоумений. Вы не спрашиваете ее объяснения.

Так знайте же, что и всегда «сыны века сего» – неправедные управители, грешные мытари, блудные сыновья и обрекаемые вами на смерть блудницы – бывают благоразумнее вас, «просвещенных» фарисеев. Вы ведь – «сыны света в своем роде». А между тем, вы, видя, не видите и, слыша, не слышите Божественного спасения, так что мытари и блудницы опережают вас на пути в Божие Царство. Ваши души и сердца слишком отягощены сребролюбием и тяготением к жалкому земному богатству. Вы не ищете Царства Божия и правды Его, не стремитесь к Небу, где обитает Отец ваш Небесный.

Стены Иерусалима

Отриньте же, наконец, от себя это сребролюбие!

Подобно неправедному управителю, раздавайте щедро и самоотверженно эту «маммону неправды» всю без остатка беднякам, сиротам и вдовам, и сердца ваши умягчатся, и души ваши окрылятся любовию, и будете иметь искренних друзей и молитвенников за вас, и благодарностью откроют они вам входы в небесные, вечные обители, когда вы скончаетесь, покинув эту землю с ее тленным, суетным богатством.

Что значит это ничтожное, тленное богатство в сравнении с богатством истинным, духовным? Ведь это земное богатство – постороннее для вас, оно – не ваше, оно для вас внешнее. Оно лежит в сундуках, оно хранится в «сосудах».

Есть истинное богатство. Кто приобрел богатство это, тот носит его в самом себе, в глубине души своей. Это духовное, истинное богатство выше всех сокровищ мира. Оно состоит в познании тайн Божиих, в созерцании сокровенных видений, в даре прозорливости и пророчеств, в силе благодатных исцелений и преестественных чудес. Это богатстао в полном смысле «ваше»: оно не нуждается ни в ящиках, ни в сосудах.

Но если вы не умеете во благо направить внешнее, «чужое» для вас богатство, если вы жадно трясетесь над золотом и серебром, если вы не способны распорядиться по закону Божественной любви этими земными сокровищами, то кто же доверит вам богатые сокровища неба – те сокровища, которые должны составлять ваше собственное внутреннее богатство? Ведь несправедливый, неверный в ничтожном неверен будет и в обильном. Кто щедр и милосерден, тот и духовные дары способен воспринять в душу свою на благо ближних своих. Верный в ничтожном и малом – верен будет и в великом.

Ваши души отягощены сребролюбием и любостяжанием; вы заглушили в себе все высокое и святое; вы забыли Бога и Его святое учение; вы предались маммоне, вы – рабы его. А никакой слуга не может работать двум господам. Вы не можете одновременно служить Богу и маммоне.

Вам, сребролюбцы и фарисеи, странными кажутся эти речи. Вы смеетесь над ними? Ваши сердца огрубели, ваши души омертвели.

А у кого душа еще жива, у кого сердце еще не огрубело, внимайте притче о «Богатом и Лазаре», которую вы сейчас услышите от меня. Она приподнимет перед вами завесу. Она покажет вам судьбу богача, не знавшего истинного употребления земных богатств. «*Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят*» (Лк. 16, 31).

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Глава 9

Воспоминания американских монахов

1. Храм святого Александра Невского

Вскоре после прибытия в Тбилиси однажды вечером мы пошли на богослужение в храм святого Александра Невского. В левом приделе храма, посвященном святителю Николаю Чудотворцу, находится могила митрополита Зиновия Тетрицкаройского. Из-за него мы сюда приехали. Монах Глинской пустыни, после ее первого закрытия в 1922 году и, следовательно, рассеивания глинских старцев, он, в конце концов, обосновался в Грузии. Здесь он служил Православной Церкви 60 лет, последние 30 из них епископом, и упокоился 8 марта 1985 года. Его помнят как старца, аскета и святого. В Грузии и тайно в России, главным образом в 1960-х и 1970-х годах, митрополит Зиновий вдохновил и рукоположил в священство много молодых людей, постриг более 400 монахинь. На протяжении этого критического периода, который следовал за внешним упадком монашеской жизни в России, он создавал и поддерживал прибежища для монахов и всех, стремящихся к духовной жизни. В 1961 году, когда второй раз закрыли Глинскую пустынь, в Тбилиси к нему присоединился схиархимандрит Андроник (Лукаш), великий аскет и старец Глинской пустыни.

Мы навели справки в Александро-Невском храме, как можно связаться и встретиться со схиархимандритом Виталием, который был послушником в Глинском монастыре в 1950-х годах, а позже – учеником трех из последних глинских старцев, соответственно: схиархимандрита Серафима (Романцова), схиархимандрита Андроника и митрополита Зиновия. Монахиня, которая пела в хоре, сказала, что если мы придем завтра утром, она разузнает, насколько это возможно. Мы помолились на могиле митрополита Зиновия и вышли на мягкий ноябрьский воздух Тбилиси.

2. Ученик глинских старцев

Вернувшись, как нам и было сказано, рано утром на следующий день, мы встретили вчерашнюю монахиню, матушку Серафиму, которая сама была послушницей тех же глинских старцев. Приблизительно 10 минут она объясняла, что совершенно не обязательно встречаться с отцом Виталием, что он болен, что все, что нужно знать о глинских отцах, написано в брошюре, что они только что отдали кому-то последнюю копию этой брошюры, и, следовательно, что возможно для нас лучше бы поехать в Москву, если мы были искренне заинтересованы и т.д. Убив практически все наши надежды, она, в конце концов, добавила: «Идите сюда, вас ждет машина».

Митрополит Тетрицкаройский Зиновий, схиархимандрит Серафим (Романцов), схиархимандрит Андроник (Лукаш), г. Тбилиси

Вслед за скромно одетой женщиной мы спустились по лестничному пролету и увидели обычного мужчину лет 60-ти, одетого в вылинявшую рясу, который встретил нас земным поклоном. «Отец Виталий, конечно же, держит своего келейника в смирении, – подумал я. – Как трогательно!» После того, как тот поднялся с пола, я безсознательно понял, что это не келейник, но тот, которого я пришел повидать. Я был в непосредственной близости с одним из избранных Богом служителей и попросил благословения.

Легчайшей походкой, более похожей на шаги смиренного тихого послушника, чем архимандрита, он провел нас через одну маленькую комнату в другую, крохотную, наскоро устроенную церковь или комнату для молитв. Обычного разговора, который в наше время стал таким обычным среди церковных людей, не получилось. Совсем наоборот, нас усадили на скамью, в то время как этот удивительный человек сидел на коленях перед нами и часто склонялся к нашим ногам. Слезы, причиной которых было покаяние, и которые говорили о любви, предшествовали, сопутствовали и следовали за его словами на протяжении всего времени, что мы там были. Дар слез высоко превозносится в святоотеческих писаниях. Тем не менее, это был первый раз, когда я действительно встретил Божиего человека с этим даром. Потом мы сделали маленький подарок – экземпляр «Русского паломника», содержащего первую часть жизнеописания отца Серафима (Роуза) и житие преподобного старца Кукши Одесского. Перелистывая издание, он целовал многие страницы с глубокой признательностью, показывая, насколько он был знаком с произведениями отца Серафима.

Митрополит Зиновий некогда жил здесь время от времени, пока его не посвятили во епископа. Тем не менее, после его посвящения он поселился навсегда в маленькой комнатке через внутренний двор Александро-Невского храма, где он служил каждый день. Он редко оставлял свой «пост», духовно бодрствуя над своей паствой, был доступен днем и ночью всем, вверенным его попечению. Здесь также жил схиархимандрит Андроник, схиархимандрит Серафим (Романцов) останавливался здесь, приезжая из Сухуми, чтобы встретить своих духовных братьев в Тбилиси. В церкви за стеной они молились, совершали службы. Отец Виталий – их верный последователь, ученик каждого из них по очереди, и по чудесному Божию Промыслу он не утратил поведения,

присущего ученику. Совершенно случайно мы задержались в одном из малоизвестных мест Православной Церкви. Безкровная Жертва Христа, Который отдал Себя ради жизни и спасения мира, сохранила и посвятила это место духовному возрождению порабощенных русских и грузинских земель.

3. Трапеза духовная

Отец Виталий начал говорить, и слезы любви потекли вместе со словами жизни. Духовная сила слов отца Виталия пленила нас и чудесно впечатлила. Сначала он сказал, что ни к чему не привязан, в жизни не было никаких забот, проблем, что он был большой грешник, который потерял благодать, данную ему Богом, за осуждение ближних, гордость, своеволие и прочее. Затем он направил свою беседу к покаянию, молитве и старчеству. Поучительная жизнь его любимого Серафима Саровского служила началом: затвор святого, говорил он, был средством для молитвы и поста; в этом и во всем он был неправильно понят его ложными братьями. Затем отец Виталий обратился к пророкам Илие и Елисею: последний достигал молитвы, постился и творил чудеса благодаря молитве его старца, пророка Илии. Затем он предложил нам подумать о покаянии Давида, который ел хлеб с пеплом, смешивал свое питье со слезами, молился семь раз в день или, как объяснил отец Виталий, непрестанно. Преподобный Силуан Афонский сказал ревнителю монашества с Кавказских гор отцу Стратонику: «Совершенные от себя ничего не говорят... Они говорят лишь то, что дает им Дух». Затем, относительно молитвы, преподобный Силуан добавил: «Ум, утонченный плачем, переходит к некоему тонкому чувству Бога, и чистый от всяких помыслов безмолвно созерцает Бога. И это может быть дороже даже плача».

Он продолжил тему смирения, утверждая, как оба святых прошлого и великие старцы его жизни считали себя ни кем иным, как убогими грешниками. Авва Дорофей говорил, что чем ближе человек к Богу, тем большим грешником он себя видит. «Вы знаете историю Антония Великого, как у него было видение о сапожнике из Александрии», – начал он. Церковное Предание хранит следующую историю об этом событии в жизни Антония Великого:

Однажды Антонию Великому пришло на ум узнать, какой степени святости он достиг. Однако Бог, Который хотел смирить его ум, однажды ночью показал ему во сне, что некий сапожник, у которого была мастерская на одной из отдаленных улиц Александрии, был лучше его.

Как только наступил день, преподобный взял свои вещи и отправился в город. Он хотел встретиться с этим прославленным сапожником лично и увидеть его добродетели. С большим трудом он нашел мастерскую, зашел внутрь, сел рядом с ним на лавке и начал расспрашивать его о жизни.

Простой человек, который не мог понять, кто был этот старый монах, который вдруг пришел допрашивать его, отвечал ему так медленно и спокойно, не поднимая глаз от башмака, который он починял.

«Я не знаю, Авва, что я сделал хорошего. Каждое утро я встаю, читаю молитвы и начинаю работу. Однако прежде я говорю себе, что все люди в городе, от наименьших до величайших, спасутся, и только я буду осужден за множество своих грехов. И каждый вечер, когда ложусь, я снова думаю о том же».

Преподобный встал, изумленный, обнял сапожника, поцеловал его и сказал ему в душевном волнении: «Ты, брат мой, как хороший купец, легко получил драгоценную жемчужину. Я состарился в пустыне, в труде и поту, но я не достиг твоего смирения».

Таким было смирение, которому научили отца Виталия, которое он осуществлял на практике, которое хотел передать неопытным монашествующим гостям. Как пример, он перечислил несколько преданных служителей Бога, таких как митрополит Платон Московский и святитель Димитрий Ростовский, которые ежеминутно размышляли о Божественных Писаниях, тех, которые знали Писание сердцем и их внутренним смыслом, таких, как старец Силуан и преподобный Серафим. Также и святой праведный Иоанн Кронштадтский.

> *... Роптать, осуждать не надо, а: благодарить, терпеть, звать на помощь, вопия Ему: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную. Сия молитва во всем поможет, украсит добродетелями и соединит с Богом. Возлагайтесь на помощь Божию.*
>
> *При болях надо обращаться к врачам, а перед сим: причаститься Христовых Таин, всегда пить и окропляться Святой водой, помазуясь святым елеем.*
>
> *Из писем схиархимандрита Виталия*

4. Преподобный Серафим Саровский и Глинская пустынь

В углу на высоте нескольких футов висела икона преподобного Серафима Саровского. Перед ней на металлической подставке горели несколько свечей. На полу слева лежала пачка свечей, ждущих своей очереди. Периодически на протяжении бесед отец Виталий зажигал следующую свечу и осенял себя крестом перед иконой этого великого святого. Позже кто-то объяснил мне значение этого бдения перед иконой преподобного Серафима. Этот духовный подвиг был внушен самим преподобным Серафимом. Преподобный Серафим больше всего ценил икону Богородицы «Умиление». По окончании своего

особого духовного подвига – он молился тысячу дней и ночей на камне – старец поселился в келии в Саровской пустыни. Безконечное множество свечей и огарков различных форм и размеров горело перед иконой Богородицы. Его ду-

Преподобный Серафим Саровский

ховные чада приносили ему свечи, и он поддерживал свет веры и молитвы перед Пресвятой Богородицей. В «Дивеевской летописи», на которую отец Виталий не прекращал ссылаться, мы прочитали:

У старца Серафима было обыкновение: когда он утром уходил из монастыря в пустынь, он оставлял в своей келии горящие свечи перед святыми образами. Брат Павел (чья келья была рядом), пользуясь своей близостью со старцем, часто пытался убедить старца, что от зажженных свечей может быть пожар; но отец Серафим всегда отвечал: «Пока я жив – пожара не будет; но когда я умру, о моей смерти вы узнаете по пожару». Так и случилось...

Традиция молитвы, бдения и бодрствования высоко ценилась глинскими монахами прошлого и настоящего, и сейчас сохранилась память об особых взаимоотношениях между Глинской пустынью и преподобным Серафимом Саровским. Только игумену Филарету, восстановителю Глинской пустыни, было открыто о смерти преподобного Серафима, когда он видел душу святого старца, возносимую в рай поющими Ангелами. Преподобный Серафим Саровский знал отца Филарета и отправлял тех, кто приходил за благословением на монашество, к отцу Филарету, говоря о его монастыре, как о великой школе монашеской жизни.

В самом деле, вдобавок ко всем монахам, постриженным в Глинске, последний из великих игуменов Глинской пустыни, схиархимандрит Серафим (Амелин), носил имя великого Саровского аскета. Более того, духовник отца Виталия носил это имя: схиархимандрит Серафим (Романцов), как совершенный духовный руководитель, который оставил в наследие, как духовную сокровищницу, безчисленное множество руководительных писем.

Вот что рассказала нам схимонахиня Серафима, также названная в честь преподобного. Пользуясь временным отсутствием отца Виталия в комнате, матушка Серафима рассказала о прозорливости митрополита Зиновия: «В середине 1970-х некая прозорливая монахиня Михаила, которая была пострижена в Оптиной пустыни (позже жила в Тбилиси под руководством старцев), сказала митрополиту Зиновию, что он должен рукоположить отца Виталия в священство, так как священники быстро умирали один за другим. Но митрополит Зиновий постоянно игнорировал ее совет. Матушка Серафима также жаловалась митрополиту Зиновию, что они так и закончат без священников, особенно без иеромонахов (которым монахини, как правило, исповедуются), но он успокаивал ее, что такого не случится. Однажды, в конце декабря 1975 года, он неожиданно попросил ее прийти поздно ночью в церковь и петь в хоре. Служба продолжалась и продолжалась; на Литургии без предупреждения он рукопожил отца Виталия во диакона. В тот же день они получили срочную телеграмму из Сухуми, что глинский старец схиархимандрит Серафим (Романцов) был на смертном одре. Через несколько дней митрополит Зиновий вызвал монахинь, его духовных дочерей, которые пели в церкви, и попросил их прийти рано утром на службу. Во время Божественной Литургии, опять без всякого предупреждения он рукоположил отца Виталия во иерея. Еще до окончания Литургии пришла телеграмма, что схиархимандрит Серафим умер[1].

Как она нам объяснила, это был недвусмысленный знак предопределенной духовной передачи опыта Глинской пустыни новому поколению. В самом деле, в этом можно увидеть благословение отца Серафима на окормление рассеянной паствы Глинской пустыни – новый воин, облаченный в доспехи, занимает место среди великих бойцов.

«Мы пытались убедить митрополита Зиновия принять великую схиму, – продолжала матушка Серафима – с тех пор как он постарел. Но после каждой болезни всем на удивление его здоровье опять налаживалось. Потом, когда он, в конце концов, попросил постричь его в схиму, его постригли с именем Серафим». Незадолго до смерти он произнес: «Скоро пойду к отцу Андронику».

5. Незабываемая разлука

Отец Виталий вернулся с подарками каждому из нас не без особого смысла. Нам показали фотографии митрополита Зиновия и его учеников из разных мест России. Отец Виталий обычно сопровождал митрополита Зиновия в его путешествиях. Он рассказал, как в разных сельских церквах, особенно в Воронежской и Липецкой областях, совершались торжественные монашеские службы, часто сопровождаемые постригом новых монахинь. Отец Виталий и матушка Серафима настаивали на непрерывной традиции старчества в России, что эта традиция не умерла, и они продолжали называть тех старцев, с которыми считались как с духовными братьями или отцами. Они настоятельно советовали нам обращаться к ним.

Затем мы спросили отца Виталия, как глинские отцы смотрят на книгу «В горах Кавказа» об Иисусовой молитве, толкование которой дало искру разгоряченной дискуссии о почитании Имени Бога. Он ответил, что глинские отцы не «говорили» об Иисусовой молитве, то есть они вообще учили не так, как старцы дру-

[1] По другой версии: «за день до этого скончался схиархимандрит Серафим (Романцов), и в народе говорили: «Один старец умер, а другой воскрес». См. «О жизни схиархимандрита Виталия». М.: Новоспасский монастырь, 2002. С. 60

гих монастырей, например, Оптиной пустыни, все-таки они превзошли многих в практиковании Иисусовой молитвы. «Тем не менее, – сказал он в заключение, – даже святитель Иоанн Златоуст отмечал, что он получил некоторую пользу от чтения Ария».

Отец Виталий отметил, что митрополит Зиновий был на хорошем счету у катакомбных клириков в России. Они видели в нем своего отца. Они его уважали, и ради них самих он старался принять их под свой омофор, – чтобы избежать раскола, разделения в Едином Теле Христовом.

Эта духовная трапеза была завершена по кавказскому обычаю. Несмотря на наши заявления, что уже поздно, мы не могли уйти, пока нас не накормили. Другого выхода не было. Пили чай, ели фрукты, хлеб, консервы; потом сидели с очищенными сердцем и душой, уезжали с благословением Божиим, передаваемым через Его священников и избранных.

6. «Наши сердца горели в нас»

«...я покажу вам путь еще превосходнейший... Имею ... всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто» (1Кор. 12, 31 и 13, 2).

«Путь еще превосходнейший» живо вдохновляет в нас новую решимость. Эта решимость выражается в неких особых духовных стремлениях. Во-первых, желание полного очищения сердца, исповеди и откровения помыслов. Далее, радость от того, что видишь Православие на деле, а не просто на словах. То, о чем мы свидетельствовали, не только «способ монашеской жизни», но единственная, приемлемая и жизнеспособная альтернатива существованию сторонникам этого мира. Архимандрит Софроний (Сахаров) выражает это так: «Когда Святой Дух пребывает в нас, мы понимаем, что это единственное нормальное состояние нашего безсмертного духа, что в этом состоянии мы постигаем Божественную универсальность Христа и Его заповедей. Это – Истина, свет которой не оставляет в сердце или уме места сомнениям. Это спасение, которому научила нас Церковь».

Этот «путь еще превосходнейший» не просто обновил нас, но и дал жизнь каждому изречению святоотеческой литературы: океан смирения, полная свобода от гнева, полное прощение заблуждений и т.д. Преподобный Иоанн Лествичник сказал, что эти добродетели «послужат отважной душе шпорой и огненным копьем, и она пойдет со рвением в сердце».

Здесь, на другой стороне земли, я увидел жизнь, целиком построенную на учении святых отцов, полном отсутствии лжи, хитрости, злобы, расчета, раздора и самодовольного фарисейства, которые имеют место в жизни Церкви в Северной Америке. Перед нашими глазами встало свидетельство апостола Павла: «*Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собою и давшего нам служение примирения*» (2 Кор. 5,18).

В будущем предстояла еще одна встреча. Омытые любовью так тепло, принятые в Уделе Пресвятой Девы на земле, мы поехали дальше.

7. Эпилог

Через несколько недель после возвращения в Америку, в конце Рождественских праздников, мы получили наставительное письмо от отца Виталия, переданное через множество рук, через Санкт-Петербург. Оно пришло точно в то же время, что и приступ уныния, которое оно немедленно разгромило.

Письмо начиналось с машинописной монашеской проповеди!

«Что лучше: исполнять обычное правило или проводить время в произнесении Иисусовой молитвы?

Ответ: Лучше выполнять и то, и другое, потому что великие люди, такие как преподобный Антоний Великий и преподобный Зосима, который заметил святую Марию Египетскую, жили по монашескому молитвенному правилу и не оставляли его.

Стоя в храме, должно внимательно слушать церковное пение и чтение, и кто может, тот пусть не оставляет Иисусовой молитвы, особенно если церковное чтение невнятно и плохо слышно.

Можно произносить Иисусову молитву, согласно учениям святых отцов, когда человек идет, сидит, лежит, пьет, ест, разговаривает или занимается каким-нибудь рукоделием. Тот, кто может, занимаясь всем этим, произносить Иисусову молитву со смирением, пусть не оставляет ее, пусть он упрекает себя за то, что оставляет молитву, сокрушается со смирением, но пусть не тревожится, потому что безпокойство, тревога и все, что на это похоже – признак скрытой гордости; и показывает свою неопытность и недостаток навыка в выполнении его задачи.

Когда кто-то выполняет свое келейное правило, и в его середине чувствует особое расположение духа для Иисусовой молитвы или для размышления над каким-то высказыванием из Писания, он может на время прекратить свое келейное правило и заняться вышеуказанным. Так учили нас наши опытные отцы.

Радости вам, наши возлюбленные отцы и все с вами в Господе. Да благословит вас Господь Иисус Христос и Пречистая Его Матерь, помогая, утешая, жалуя здоровьем души и тела, прощая ваши грехи, украшая вас добродетелями, ведущими ко спасению. Простите, святые отцы, во время вашего приезда мы уехали в другой дом, и так получилось, что мы не смогли встретиться. Но слава Богу за все, за скорби и за радости, как сказал один древний старец и всегда говорил святитель Иоанн Златоуст.

Слава Богу, что вы посетили отца Александра Чеснокова в Загорске, который дал вам книгу о глинских старцах. Более того, он прислал кое-что нам, недостойным, чем, к сожалению, мы не смогли с вами поделиться, но слава Богу за великое множество Его милостей. Отец Александр был келейником владыки схимитрополита Серафима (почившего о Господе в Богохранимом городе Тбилиси), но сам владыка приехал из Глинской пустыни, был родом из тех мест – он родился в 20 километрах от этого святого монастыря. Дядя владыки жил в святом монастыре и его принимали за юношу, по Божиему Промыслу он также жил в уединенной хижине в 70 километрах от Сухуми. Да благословит вас Господь! Слава Ему, аминь! Склоняемся и целуем ваши стопы, благословите нас. Сохрани вас Господь! Спасайтесь, простите».

Перевод с английского А.Б., г. Донецк.

«ЖИВОЙ РОДНИК»,
Православный собеседник,
№4 (12), апрель 2004, г. Донецк

О молитве за ближних

(Продолжение. Начало в № 39)

ВОПРОС: Есть в монастыре такое послушание – Неусыпаемая Псалтирь. Читают и монашествующие, и миряне по благословению. И у них часто бывает такое состояние – очень плохо себя чувствуют. И говорят, что такие нападения потому, что они молятся: очень много имен читают. А там ведь и наркоманы, и пьяницы, и колдуны, и экстрасенсы – в общем, записывают всех тех, кого нужно как бы «спасти». Потому очень многие даже и из монашествующих боятся идти на это послушание. Некоторые просят, чтобы не давали им читать хотя бы в ночные часы, потому что считается, что ночные часы – это самая близкая молитва к Богу и нападения из-за этого очень сильные. И вот боятся – хотя и молятся по благословению. И это мнение распространяется…

ОТВЕТ: Я, конечно, не знаю, кто на этом послушании задействован – какие люди там читают. Может быть, если у некоторых есть крепкая вера, таковым и попускаются брани и нападения. Как я говорил прежде, что если человек имеет крепкую веру, Господь дает ему немножко почувствовать эту тяготу, чтобы он приобщился Христовым страстям за Церковь Христову. То есть он, как сотелесник Христов, разделяет эту тяготу, участвуя со Христом в деле извлечения человеческой души из ада преисподнейшего.

Но, мне кажется, что в данном случае проявляется все-таки другой вариант. То, что люди, и даже монашествующие, боятся идти на Псалтирь, это обусловлено ни чем иным, как только **маловерием**. Ведь не мы «тащим» тех людей, чьи имена поминаются в списках, не мы боремся с их страстями или с нападающими демонами, а Христос. И ничего не попускается нам, если Господь не благоволит того попустить. Если же что и попускается – должны терпеть.

Но самое главное в этой ситуации то, что эти боязливые люди приходят в такое изнеможение и малодушие именно по причине своего маловерия, ибо в Премудрости сказано: *«Горе сердцу ослабленну, яко не верует: сего ради покровено не будет»* (Сир. 2, 13). Если человек, читая Псалтирь, не верует тому, что с грехом всего мира и со всеми бесами сражается Христос, Подвигоположник наш, а считает, что он сам несет человеческие страсти и терпит за это бесовскую брань, а Христос тут якобы ни при чем – за такую глупость брань усиливается. Ибо это есть **неверие**, и потому усиливается такая брань **до изнеможения**.

А если мы предаем себя в руки Божии, веря, что Господь выше сил искушений нам не попускает, и именно Он спасает нас и всех прочих грешников, ради которых Он пришел на землю, следовательно, мы не терпим ни такого нападения, ни такого изнеможения. Так что нужно каяться в этом своем неверии.

ВОПРОС: Но ведь бывают же такие нападения – это факт!

ОТВЕТ: Да, такие нападения бывают. Но как я говорил об этом прежде,[1] это попускается только для того, чтобы мы, действительно, испытали сами себя на верность Христу: испытали, насколько мы хотим быть соучастниками Христу в деле спасения душ человеческих. Ради этого Господь чуть-чуточку и дает нам напоминание об этом сотелесничестве (ср.: Рим. 12, 5).

А если даже, на самом деле, бывает, что нападает какая-то страсть, то смущаться не нужно. Если, скажем, вчера мы не были подвержены этой страсти, а сегодня она «навалилась», то мы знаем, что она – не наша страсть. То есть она чуждая нам, мы имеем отвращение к ней, сами мы отталкиваемся, а только идет как бы такая бесовская «накачка» со вне. Зная это, мы призываем Господа на помощь, сознаем всю свою немощь, прибегаем к Его заступлению и Его благодати. И Господь легко избавляет нас от этого наваждения.

А если мы уже начинаем колебаться, т.е. проявляем сочувствие к этой страсти, тогда мы видим свою немощь, смиряемся и уже не уничижаем других людей, познавая свою немощь. Идем на исповедь и каемся в своем вчерашнем самодовольстве и превозношении, в своей сегодняшней подверженности «навалившей-

[1] См. «Задонский паломник» № 39, стр. 16-17 (прим. ред.).

ся» страсти, а также в своем маловерии и непостоянстве.

ВОПРОС: А может ли «тягота» зависеть от личного состояния человека? Например, у меня сегодня более-менее нормальное состояние. А завтра началась какая-то своя брань и тогда мне «только до себя». Как я в таком состоянии могу молиться за кого-то?

ОТВЕТ: Если ты молился за кого-то по своему собственному доброму изволению, а теперь попал в такую ситуацию, в такое душевное состояние, что видишь: между тобой и Богом стоит «медная стена», тогда, конечно, нужно «оплакивать своего мертвеца», т.е. плакать о себе.

Но это только **в том случае**, если речь идет о самопроизвольном молении. А если, допустим, нужно идти читать Псалтирь по послушанию, а я скажу: «Вот, я в таком состоянии!.. поэтому я не могу читать Псалтирь», – то это будет просто неразумие и неверие.

ВОПРОС: А если у меня постоянно присутствует такой помысел: «Сам тону – куда мне о других молиться? Лишь бы себя как-нибудь спасти»?

ОТВЕТ: Тогда здесь будет действовать закон: «*В нюже меру мерите, возмерится вам*» (Мф. 7, 2).

Если мы сами хотим избавиться от какого-то духовного бедствия, но не можем, и потому желаем, чтобы кто-то нам помог, и бываем рады, если кто-то нам поможет, то, следовательно, почему мы, если нас просят подать маленькую помощь – один вопль испустить сердечный об этом человеке – отказываемся? Я не говорю, что надо молиться долго и много, но хотя бы один вопль…[2]

А если уж, действительно, идет сильное мысленное смущение, то это все должно решать с духовником. Все эти помыслы должно открыть и действовать по силе нашей совести и по благословению духовного отца. Но главное, что мы должны помнить в этой смущающей брани – что не мы спасаем, не мы избавляем какого-либо человека (от страсти или диавольского наваждения), а Христос. Потому нужно надеяться на Господа и делать то, что требует наша христианская совесть.

ВОПРОС: Как Вы думаете, как можно исцелиться от этой тягчайшей язвы – эгоцентризма, проявлением которой является страх молиться за людей?

ОТВЕТ: Мне кажется, нужно со вниманием почитать книгу «Старец Силуан». Ведь как страдала душа старца, когда он видел людей бедных, людей страдающих, людей, тонущих в страстях!.. Он сострадал этим людям и молился за них. И это была не просто формальная молитва, а это был сердечный вопль – само сердце его подсказывало, о чем просить Бога. Старец вопиял ко Господу, и Господь давал этим людям соответствующую помощь. И люди чувствовали это и любили его, потому что души наши невидимо общаются. Сердце сердцу человеческому открыто.

«Когда отец Силуан впервые был назначен экономом, – вспоминает его ученик архимандрит Софроний (Сахаров), – то, придя от игумена в свою келью, он горячо молился, чтобы Господь помог ему исполнять это ответственное послушание. После долгой молитвы был ему ответ в душе: "Храни благодать, данную тебе".

Тогда понял он, что хранить благодать важнее и дороже всех прочих дел. И потому, вступив в свое новое послушание, он неусыпно следил за тем, чтобы не прерывалась молитва его. Он имел под своим началом до двухсот рабочих. Утром, обходя мастерские, он давал в общих чертах указания старшим мастерам и затем уходил в свою келью плакать о народе Божием. Сердце его болело от скорби за рабочих, он оплакивал каждого: "Вот Михаил – оставил свою жену с детьми в деревне, здесь за гроши работает. Ну, каково ему быть так далеко от дому? Не видеть ни жены, ни милых деток своих? Вот Никита – только что женился, оставил свою молодую беременную жену и старуху-мать. Каково им было отпустить этого еще юношу, любимого сына и мужа? Вот Григорий – оставил стариков-родителей, молодую жену и двух малышей-младенцев и пришел сюда работать за кусок хлеба. И что он выработает здесь? Какая же бедность у них, чтобы решиться оставить всю семью? И какая должна быть у всех у них скорбь? И вообще, в какой ужасной бедности живет весь этот народ! Вот Николка – совсем еще мальчик! С какой болезнью отпустили его родители так далеко среди чужих людей ради нищенского заработка? Как должно скорбеть сердце родителей? О, в какой бедности и страданиях живет народ! И все они, как овцы заброшенные: никто о них не попечется. Ни об их воспитании и обучении. Обучаются они всяким порокам, дичают, грубеют".

Так говорил блаженный Старец, и страдала душа его за всех бедняков. Страдала несомненно больше, чем все они сами, так как он видел в их жизни еще и то, чего они сами в себе не замечали по необученности своей.

"Сердце сердцу весть подает", – говорит народная пословица. Тайно молился старец о народе Божием, но рабочие это чувствовали и любили его».

ВОПРОС: А если это какой-то «враг» – ну, скажем, враг Церкви? Приходилось от некоторых «ревнителей» слышать такие суждения: «Попадут эти нечестивцы в ад – туда им и дорога!»

ОТВЕТ: Отец Софроний, жизнеописатель блаженного старца Силу-

---

[2] См. «Задонский паломник», № 39: «…хотя бы одну фразу сказать, хотя бы один вздох сердечный вознести: «Господи, помоги ему! Избави его от сетей вражиих, имиже веси судьбами устрой его спасение и святыми его молитвами и меня окаянного помилуй!» – и это уже будет молитва…»

ана, вспоминает такой случай из жизни своего аввы: «Помним беседу старца с одним монахом-пустынником, который говорил: "Бог накажет всех безбожников. Будут они гореть в вечном огне!" Очевидно, ему доставляло удовлетворение, что они будут наказаны вечным огнем. На это старец Силуан с видимым душевным волнением сказал: "Ну, скажи мне, пожалуйста: если посадят тебя в рай, и ты будешь оттуда видеть, как кто-то горит в адском огне, будешь ли ты покоен?" "А что поделаешь? Сами виноваты", – говорит тот. Тогда старец со скорбным лицом ответил: "Любовь не может этого понести, нужно молиться за всех..."».

Мы должны иметь сердце, милующее всякую тварь, тем более – человека. Потому что одна душа ценнее всех сокровищ мира. Ради спасения грешников Христос пришел на землю. Будучи Богом, Он принял на Себя человеческое естество, чтобы пострадать за нас и спасти нас от вечной смерти. Мы же, если как-то ожесточаем свое сердце и не сострадаем людям-грешникам, следовательно, мы уже **отпадаем** от своего христианского предназначения.

Как говорит в своих писаниях блаженный старец: «...Жалко всю тварь сердцу, которое научилось любить. А человек – великое создание. И если видишь, что он заблудился и гибнет, то молись за него и плачь, если можешь, а если нет, то хотя бы вздохни за него пред Богом. И душу, которая так делает, любит Господь, ибо она Ему угодляется».

Святоотеческие поучения из писем схиархимандрита Виталия

Обычно письма схиархимандрита Виталия (Сидоренко) начинаются пространной цитатой из святоотеческих поучений или житий святых. В этом он перенял образ общения в письмах от отца Серафима (Романцова). Эти выдержки, которые мы начинаем публиковать, надеемся, будут полезны и сейчас.

ПЛАЧ О ГРЕХАХ

Святой Василий Великий говорит: «Оплакивай грех: он есть недуг душевный, он есть смерть души безсмертной, он достоин неумолкаемого, безпрестанного плача и рыданий; о нем да прольется всякая слеза, и да не престанет исходить из глубины сердца воздыхание.

О, возлюбленный брат мой! В глубоком смирении оплакивай все прегрешения твои, вольные и невольные, явные и тайные, великие и малые, содеянные словом, делом, умом и помышлением, днем и ночью, и во все часы и минуты земной жизни твоей. А оплакивать у тебя есть что: подумай только, сколько раз ты клялся именем Бога напрасно? Как часто, легко и свободно, иногда даже нагло, дерзко и безстыдно укорял ты ближнего, клеветал на него в безумном гневе, оскорблял, раздражал и осмеивал его? Сколько раз ты лгал, обманывал, хитрил, льстил, был двуличен и лукав? Сколько раз ты осмеивал грех брата твоего, опечалил его тайно и явно, глумился над ним; злорадствовал его поступкам, недостаткам и злополучиям! Сколько раз враждовал против него, имел злобу, ненависть! Сколько раз ты говорил много необдуманного, невежественного и неприличного; какое множество произвели уста твои наглых, пошлых, грубых, дерзких и гнилых слов! Сколько раз совершал ты блуд или мысли о разврате, уязвлялся женской красотою, питал в уме, в воображении и в сердце твоем сладострастные чувства и похотные желания! Как часто был ты сластолюбив и чревоугодлив, сколько раз был нетрезв и пьян, невоздержан в пище и питье и нарушал священные посты! Как часто был ты сребролюбив, корыстолюбив, любостяжателен! Сколько раз из угождения своему сластолюбию отказывал ты нищему и бедному в помощи, был немилостив, скуп и равнодушен к страданию ближнего, жалел подать бедному копейку, а для себя, для своей прихоти и удовольствия не жалел рублей.

О, сколь много и тяжко согрешаем мы делом, словом, помышлением. Восплачем же и горько возрыдаем о грехах наших. Будем следовать, братие, примеру ученика Христова, апостола Петра, о котором сказано в Евангелии, что он тяжко согрешил, трижды отрекшись от Христа, но сейчас же раскаялся в своем малодушии, «исшед вон плакася горько» (Мф. 26, 75).

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ, ЛИПЕЦКИЙ БЛАЖЕННЫЙ

В прошлом номере «Задонского паломника» (№ 39 за 2004 г.) мы начали рассказ о том, как по благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона начата работа над составлением жизнеописания почившего в г. Липецке блаженного Ивана Васильевича Васильева, чья могила на Трубном кладбище уже ныне известна многими чудесами. Сегодня мы начинаем публикацию составляемого жизнеописания.

Шел год 1886 от Рождества Христова. На Псковщине, в деревеньке Малая Горушка Сидоровской волости, в семье крестьянина Василия Михайловича Васильева родился 29 августа младенец, нареченный во святом крещении Иоанном. Так началась земная жизнь блаженного Иоанна, старца Липецкого.

Семья Васильевых жила по деревенским меркам зажиточно, вела крепкое хозяйство. Обрабатывали 16 десятин земли, держали 2 лошадей, 4 коров, отару из 10 овец, домашнюю птицу. Пример трудолюбия трем дочерям и трем сыновьям показывал глава семьи – мужик серьезный и работящий. Василий Михайлович и зимой без дела не сидел – подрабатывал сапожным ремеслом. За то, видимо, и пользовался таким уважением односельчан, что доверяли они Васильеву ответственность за совместные финансовые дела в только-только начавшей разворачиваться крестьянской кооперации. Тогда и могли прозвать Василия Михайловича «Банкиром». Отголоски этих давних обстоятельств, видимо, и нашли свое отражение в воспоминаниях о старце Иоанне и некритично были повторены в современных уже публикациях, где сказано: «Отец – банкир», «родился в семье банкира». Это в псковской-то деревеньке!

Как свидетельствует М. П. Рыков, Иван Васильевич «любил говорить иронично, с оттенком юмора». Подтверждают это и воспоминания других, знавших блаженного. О себе он обычно отзывался в третьем лице, именуя себя «Ванькой», и не придавал серьезного значения ранним, «мирским», по его мнению, десятилетиям своей жизни; рассказывать о них не считал нужным, отшучиваясь на особо дотошные вопросы. «Ему эта часть жизни была совсем неинтересна», – такие воспоминания из бесед со старцем сохранила В. А. Бобылкина. Такие вот полушутливые, «с оттенком юмора» ответы, видимо, и стали основой предания о «семье банкира». Но, в любой шутке, как известно, присутствует и доля правды...

Предположительно, «банкирство» крестьянина Васильева могло быть связано с председательством в местном ссудно-сберегательном товариществе. Подобные финансово-кредитные организации на паевых началах тогда активно создавались крестьянами, кустарями, мелкими торговцами. И Псковская губерния как раз была регионом, где подобные финансово-кредитные организации получили большое распространение. Достаточно сказать, что именно во Пскове в 1875 и 1879 годах прошли съезды «деятелей ссудно-сберегательных товариществ».

Но, хоть и был Василий Михайлович хозяином крепким, скаредностью не отличался. Как и положено крестьянину православному, ел хлеб от трудов своих и жил по заповедям Христовым, а потому дальше середняков не поднялся. Работников не обижал, обедневшим вконец готов был прийти на помощь. Нищим, что забредали в Горушку за подаянием, в утешении не отказывал. Такова была и супруга его – Евфимия Васильевна.

Жили и трудились Васильевы с молитвой. Службы в храме Божием посещали неукоснительно, охотно жертвовали на благоустроение церквей.

Вот короткий рассказ, записанный М. П. Рыковым со слов самого старца Иоанна: ***«После 1917 года пришли кулачить. Дом большой – «банкир» – богатства много. Зашли – одни голые стены. На том и кончилось. Все свое богатство раздали родители нищим, да по церквам».***

По Божиему произволению ни Василию Михайловичу, ни Ефимии Васильевне до лихих этих времен дожить не довелось. ***«Отец и мать мои умерли в дореволюционное время»***, – рассказывал старец Иоанн. Но отпущенных по воле Господа лет в мире сем благочестивым супругам Васильевым хватило, чтобы в страхе Божием, послушании и трудолюбии взрастить шестерых детей: трех дочерей – Екатерину, Марию, Елену, и трех сыновей – Николая, Ивана, Дмитрия. Причем, младших Ефимия Васильевна растила уже одна. Вскоре после появления на свет Божий Дмитрия, родившегося в 1890 году, Василий Михайлович Васильев почил о Господе. Так что сын его Иван, рожденный всего за несколько лет до кончины родителя, «детство провел с матерью».

И именно в годы детские Ваня Васильев из псковской деревеньки Горушки возревновал о «части благой». Да так, что служение Господу стало от лет младых смыслом жизни Ивана Васильева.

По утверждению авторов жизнеописаний старца и отдельных воспоминаний о нем, Божественная благодать почила на Иване, когда он был еще 7-летним ребенком. Уже тогда отличался он от других детей благоразумием и по-детски искренней склонностью к благотворению, готовый всегда утешить скорбящего товарища и поделиться хотя бы тем малым, что сам имел. Мальчика привлекали разговоры о Боге, особенно интересны были ему жития святых.

По письмам старца видно, что, как и многие крестьяне того времени, получил он лишь начальное образование. Сам он себя именовал «*малограмотным*». Но и этого ему было достаточно для того, чтобы искать и находить в жизнеописаниях угодников Божиих и сочинениях святых отцов ответы на волновавшие вопросы. От юности литература духовного содержания становится неразлучным спутником его жизни, его главным богатством и единственным багажом во многих скитаниях.

«Он носил с собой мешок с книгами, по воспоминаниям – целый пуд», – так запомнили на Орловщине появление в начале 1920-х годов Ивана Васильевича. А когда он был арестован в 1950 году, то по месту его жительства, на квартире в Липецке, чекисты только и нашли, что том третий «Добротолюбия», «Моя жизнь во Христе» святого праведного Иоанна Кронштадтского и еще 33 издания, коротко записанного как «разная церковно-монархическая литература в кол-ве 33 книг».

Ныне от нас сокрыты обстоятельства первых шагов отца Иоанна во след Христу – то, что происходило в пору непростого жизненного выбора, когда решался вопрос: избрать ли, подобно братьям и сестрам *преходящую заботу и суету о многом или часть благую, которая никогда не отнимется* (Лк. 10, 41-42). Точно известно лишь, что к совершеннолетию благочестивый юноша сделал свой выбор. А потому на настойчивое желание матери женить выросшего сына он ответил категорическим отказом, искренне желая посвятить себя служению Богу, твердо памятуя завет Спасителя: «*Едино же есть на потребу*» (Лк. 10, 42). Не в силах разубедить настаивавшую на женитьбе мать, Иван вынужден был даже покинуть отчий дом, ибо запали в душу его слова: «*и всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную*» (Мф. 19, 21). Лишь тогда родительница смирилась с жизненным выбором сына.

«***Ввиду того, что я с детства был религиозно убежденным, и по этим соображениям решил себя не связывать семьей, последовать, как выражаются на религиозном языке, «праведной жизни» и посвятить себя в монашескую жизнь***», – так запишет стенографист Орловского управления МГБ ответ, данный отцом Иоанном следователю, интересовавшемуся подробностями его биографии в ходе допроса, проходившего 8 мая 1950 года.

Но хоть и возжжен был в душе Ивана Васильева пламень беззаветной любви ко Христу, до 30 лет судил ему Господь оставаться в родном доме. Братья и сестры поженились и вышли замуж, разъехавшись по соседним деревням и селам, а семейное хозяйство осталось на овдовевшей матери. Ее опорой и поддержкой оставался избравший безбрачие сын Иван, до времени вынужденный сочетать заботу о суетном земном и ревность о горнем.

И вот подошел год 1914. Грянула война. Началась мобилизация. Как ратник ополчения Иван Васильев также был призван в ряды действующей армии. Отличавшийся крепким телосложением и живым умом, направлен он был служить в разведку. Не раз довелось Васильеву участвовать в рейдах за линию фронта. Позднее старец Иоанн открывал близким по духу, что не столько сила оружия, сколько искренняя молитва выводила его из-под вражеского огня и помогала невредимым вернуться в расположение своих частей с важной информацией.

А в одну из таких вылазок Господь, учительно, послал разведчику Васильеву испытание. Иван был серьезно ранен. Операция в полевом госпитале ноги спасла, но до полного исцеления было далеко. Пришлось опереться на костыли. Долечиваться Васильева отправили в тыл. По пути в эвакогоспиталь санитарный поезд сделал большую остановку в Новгороде. Иван на костылях отправился помолиться в один из храмов. Среди прочих икон был здесь список со знаменитой Чирской иконы Божией Матери, прославленной чудотворениями на Псковской земле. К ней и приложился со слезною молитвой об исцелении псковитянин Васильев. И свершилось чудо – из храма ушел солдат без костылей. Это событие, случившееся у иконы Божией Матери, именовавшейся на псковской земле также и «Знамение» (по Знаменской церкви, устроенной в память о перенесения святого образа во Псков), было воспринято Иваном Васильевичем именно как знамение того, что угоден Господу избранный им с юности путь беззаветного Ему служения и именно для следования путем сим исцелены раненые ноги, по неизреченной благодати Божией вдруг вновь обретшие способность свободно ступать по земле.

Меж тем страна оказалась ввергнута в революционую смуту. Самораспустилась армия, в которой солдат Васильев, не жалея живота своего, воевал за Веру, Царя и Отечество. Суетные политические дрязги были чужды Ивану Васильевичу, внутренне давно отрекшемуся от мира сего ради высот горних. А потому, для начала, он, освобожденный историческими обстоятельствами от необходимости и далее быть верным данной воинской присяге, просто вернулся домой, в Горушки. Но пробыл на родине лишь несколько дней. Оголившийся фронт уже не препятствовал продвижению немецкой армии, и вскоре Псковщина была оккупирована. Вчерашний солдат-разведчик не стал ждать прихода врага и отправился подальше от линии фронта – к другу-однополчанину Андрею Алексеевичу Ласточкину, проживавшему в Самарской губернии. Здесь, в селе Малая Глушица, Васильев и провел несколько лет.

Чирская икона Божией Матери, перенесенная во Псков в 1620 году. У одного из списков этой чудотворной иконы и получил исцеление раненный в ноги солдат – уроженец Псковской земли, военный разведчик Иван Васильевич Васильев

Как явствует из показаний на следствии, в селе Малая Глушица он «проживал до лета 1921, работая в сельском хозяйстве Ласточкина». Но Михаилу Павловичу Рыкову отец Иоанн открыл, что, будучи на земле Самарской, он еще и пребывал в послушании у некоей подвизавшейся здесь старицы. Тогда и оформилось окончательно решение принять монашеский постриг в Киеве, в одном из древнейших оплотов Православия.

(Продолжение следует)

Л. МОРЕВ

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА

в изречениях и делах святых отцев, живших в IV и V веках

Внемлите милостыни вашея не творити пред человеки, да видими будете ими: аще ли же ни, мзды не имате от Отца вашего, Иже есть на Небесех... И егда молишися, не буди якоже лицемери, яко любят в сонмищих и в стогнах путий стояще молитися, яко да явятся человеком... Молящеся же не лишше глаголите, якоже язычницы: мнят бо, яко во многоглаголании своем услышани будут... (см. Мф. 6, 1-15).

(Продолжение. Начало в № 22-39)

1. Авва Форт не от всех принимал подаяние, хотя лежал на одре болезни. Если кто принесет мне что-нибудь для меня, – говорил он, – а не для Бога, то мне нечем заплатить ему, и от Бога он не получит награды, потому что принес не для Бога, а таким образом принесшему делается обида.

Авва Феона, когда попросили у него бедные, отдал им хлебы, корзины и одежду, которую носил, и при всем том, осуждал себя за то, что не исполнил заповеди Божией.

Авва Епифаний говорил: когда человек по бедности или для прибытка занимает у другого, то возвращая, хотя и изъявляет благодарность, но возвращает долг тайно, как бы со стыдом. А Владыка – Бог – напротив: взаем берет втайне, а воздает пред Ангелами, Архангелами и праведниками.

2. Один брат спросил Авву Пимена: как должно мне жить в келии? Старец сказал: жить в келии со внешней стороны, значит – иметь рукоделие, есть однажды в день, молчать и быть рачительным, а со внутренней стороны для келейного преуспеяния надобно везде, где бы ни случилось быть тебе, подавлять в себе недовольство и не опускать часов общественной службы и келейных молитв. Если иногда случится тебе быть без рукоделия, то иди к службе и молись без рассеяния. Особенно держись доброго сообщества и удаляйся от сообщества худого.

Авва Евагрий говорил: много значит молиться без развлечения, а еще более петь без развлечения.

Авва Даниил сказывал, что Авва Арсений, когда приходил по временам в церковь, становился за столбом, чтобы никто не видел лица его, и чтобы самому также не смотреть на других.

3. Авва Нил говорил, – если ты хочешь молиться, как должно, не огорчай свою душу; иначе напрасно будешь подвизаться.

Некоторые спросили Авву Макария: как нам должно молиться? Старец отвечал им: не нужно многословить, но должно воздеть руки и говорить: Господи! как Тебе угодно, и как знаешь, помилуй! Если же нападает искушение: Господи! помоги! – Он знает, что нам полезно и поступает с нами милосердно.

Авва Нил говорил: желай, чтобы с тобою сбывалось не то, чего тебе хочется, но что Богу угодно, и тогда ты будешь спокоен и благодарен в молитве своей.

Рассказывали об Авве Аммоне: пошел он однажды в пустыню почерпнуть из колодца воды, и, увидев василиска, пал на лицо свое и сказал: Господи! или я должен умереть, или он. И действием силы Христовой василиск тотчас расторгся.

Авва Епифаний говорил: женщина Ханаанейская кричит и услышана (Мф. 15, 22, и сл.); кровоточивая молчит, и ублажается (Мф. 9, 20 и сл.); фарисей взывает и осуждается; а мытарь едва отверзает уста свои, и услышан (Лк. 18, и сл.).

*Молись так: **Отче наш, Иже еси на Небесех, да святится Имя Твое** – и во мне, и в других, в сердце, в помышлениях, в делах; **да приидет Царствие Твое** – царство благодати и царство славы для меня и других; **да будет воля Твоя яко на Небеси и на земли** – на всей земле во всем, всегда и*

1. Помни, что если будешь творить милостыню ради славы земной, то и получишь сию славу; а от Бога награды лишишься. Будешь скрывать милостыню свою от славы человеческой, прославишься от Бога.

2. Помни, что если будешь молиться ради славы земной, то и получишь сию славу; а от Бога награды лишишься. Будешь скрываться от славы человеческой и не развлекаться какими-либо сторонними мыслями во время молитвы, прославишься от Бога.

3. Молись много и долго, а духом непрестанно молись; но, молясь, не рассеивайся в выражениях многоразличных желаний временного и земного. Проси у Бога того, чего Он Сам как нужного и полезного для нас заповедует нам просить у Него, и проси не столько голосом уст своих, сколько голосом сердца любящего, верующего, уповающего, во всем преданного.

везде, а не воля наша человеческая, греховная и развращенная, и как исполняется на небе точно и скоро, так да будет и на земле исполняема мною и другими; хлеб ***наш насущный даждь нам днесь*** *– хлеб духовный; Божие Слово и Господни Тело и Кровь – для сохранения существования жизни духовной; хлеб телесный – для сохранения существования жизни телесной;* ***и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим****, – грехи исполнения и опущения, – с таким миром и любовию ко всем и к самим врагам, молись, чтобы быть услышанным; аще бо отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец Небесный, аще ли не отпущаете человеком согрешений их – ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших;* ***и не введи нас во искушение*** *– в грехи опущения и исполнения. Проси Бога о том, чтобы Он хранил тебя и других навсегда в благодати, не попустил когда-либо служить какому-либо греху;* ***но избави нас от лукаваго*** *– от сатаны и греха;* ***яко Твое есть царство и сила и слава во веки. Аминь****.*

Авва Моисей говорил: если дела не согласны с молитвой, напрасно и трудится человек. Брат спросил старца: что значить согласие дел с молитвой? Он отвечал: не делать нам того, в чем просим прощения у Бога; ибо, когда человек отвращается своего пожелания, тогда Бог примиряется с ним и принимает молитву его.

Он же говорил: ежели человек в своем сердце не сознает себя грешником – Бог не услышит его. Брат спросил его: что из этого, если человек в сердце своем сознает себя грешником? Старец отвечал: кто чувствует тяжесть своих грехов, тот не смотрит на грехи ближнего своего.

Авва Зенон сказал: кто хочет, чтобы Бог скоро услышал молитву его, тот, когда станет пред Богом и простret руки свои к Нему, прежде всего, даже прежде молитвы о душе своей, должен от всего сердца молиться о врагах своих. За сие доброе дело Бог услышит его, о чем бы он ни молился.

Авва Нил говорил: молитва есть плод кротости и незлобия.

Он же говорил: если будешь любодействовать в терпении, то от сего вкусишь плод во время молитвы.

Знаменский монастырь возрождается

Когда Елец отстроен был вновь...

Глава 1

Возрождаемый ныне в городе Ельце – втором по значению духовном центре Липецко-Елецкой епархии, по благословению епископа Никона Знаменский монастырь расположен на вершине так называемой Каменной горы. По преданию, именно здесь какое-то время располагался древний Елец домонгольского периода. Место это, до построения Знаменского монастыря, именовалось «Старое городище». А потому высказывалась уверенность в правдивости предания не только со стороны местного краеведения, но и со стороны науки. В частности, поддержал эту точку зрения профессор А. Д. Пряхин в книге «Археология и археологическое наследие».

Перенос же Ельца на новое место, туда, где ныне высится Вознесенский собор, связывают с именем святителя Алексия – первого русского митрополита «Киевского и всея Руси». Сей, избравший Москву местом своего пребывания, радетель о бедствововавшей из-за ига татарского и внутренних нестроений земле Русской, был и великим молитвенником перед Господом. И в 1357 году великий князь Московский Иоанн получил от правителя Золотой Орды – хана Джанибека— послание, где, в частности говорилось: «Мы слышали, что есть у вас служитель Божий Алексий, которого Бог слушает, когда он попросит. Отпустите его к нам; если его молитвами исцелеет моя царица, то дарую вам мир; если же не отпустите его, пойду опустошать вашу землю». А к тому времени ханша Тайдулла уже три года как была почти слепой от неизвестной болезни. Когда князь передал слова Джанибека святителю, то тот смиренно ответил: «Прошение и дело превышают меру сил моих, но я верую Тому, Который даровал прозрение слепому». И митрополит отправился в путь, лежавший через елецкие земли. Елец встретил предстоятеля всея Руси углями очередного пожарища. Но сами ельчане были радушны и сделали все, чтобы облегчить дальнейшее путешествие святителя Алексия. Перед тем, как сесть в ладью, чтобы плыть по водам Сосны, митрополит благословил провожавших его и предсказал, что быть еще Ельцу красиву и богату. А на вопрос, где строить город вместо сгоревше-

Святитель Алексий, митрополит Московский и всея Руси

го, указал на гору, тогда густо поросшую дубовым лесом, над которым во множестве вились стаи голубей. «Где теперь собор стоит», – уточняется предание в книге «Елец веками строился». Ельчане принялись за возведение новой крепости, а святитель отбыл в Орду, где его молитвами ханша Тайдулла благополучно исцелилась...

Но от того Ельца, что выстроен был по указанию святителя Алексия, равно как и от более древнего Ельца «на Каменной горе», и следов ныне не осталось, кроме упомянутых преданий, а история собственно Знаменского монастыря связана уже с «новым» Ельцом. Эта обитель становится самостоятельным женским монастырем лишь в 1683 году, до того около шести десятилетий пробыв скитом основанного вместе с Елецкой крепостью Троице-Сергиева монастыря...

Крепость же Елецкая, с летописным Ельцом связанная весьма условно, возникает в конце XVI века, когда прилежащие территории бывшего «Дикого Поля» стали частью территории Российской. В Разрядной книге 1475-1605 годов записано под 1591-1592 годами: «тово же году зимой, послал государь воеводу своево князя Ондрея Дмитриевича Звенигороцкова, а велел ему государь поставить от Крымские украины на поле город Елец; и князь Ондрей Звенигороцкой на Ельце город по государеву указу поставил». Знаменательно, что первые строители крепости – стрельцы и казаки – пришли сюда, на Елецкое городище – «на Рождество Христово», как свидетельствуют о том старинные документы. А другие документы подтверждают, что уже вскоре после устроения нового города выросли здесь церкви и монастыри.

Как сообщают в своей статье «Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592-1594 годах...» В. Н. Глазьев и Н. А. Тропин, «к декабрю 1592 года...» в Елецком Троице-Сергиевом монастыре уже были игумен и монахи.

Об этом говорит «Грамота в Елец И. Н. Мясному о раздаче хлебного жалованья» от 26 декабря 1592 года. В документе есть и такие строки: «В монастырь Троицы Живоначальные да Сергия чудотворца – игумну с братьею – 25 чети ржи, овса тож». Отсюда, в частности следует, что этот монастырь «срублен» был одновременно с городом и, как и все новопоселенцы, жил государевым жалованьем. Хотя предания относят его основание к концу XIV века, связывая то с радостью от победы в битве Куликовской, в которой участвовал со своей дружиной и князь Федор Елецкий, то с памятью о стойкости, проявленной малым Ельцом перед лицом орд Тамерлана...

Что ж, возможно, и был в 1592 году новый Троицкий монастырь заложен на месте прежнего. Однако был он, как и весь тот Елец, только-только начинавшей обустраиваться новостройкой.

Город Елец конца XVI века. Историческая реконструкция.

Но вот елецкие черноризцы обжились. Монастырю, как и прочим, дарованы были крестьяне. Монастырь богател, число братии множилось. Возникла необходимость устройства скита для желавших большего уединения.

И при игумене Моисее таковой скит, стараниями некоего монаха Савватия, был устроен. Не имея прочих документов, мы далеее обращаемся к изданному в 1895 году «Историческому описанию Елецкого Знаменского девичьего монастыря, что на Каменной горе», авторство которого принадлежит иеромонаху Задонского Богородицкого монастыря Геронтию (Кургановскому).

Как считает о. Геронтий, устроение скита «при игумене Моисее», на Каменной горе или «старом городище», связано с памятью о кровавых событиях, происходивших здесь, при истоках речки Ельчика, когда Тамерлан, приступив, сжег дотла мужественно оборонявшуюся Елецкую крепость. Но это предположение – скорее дань елецкой традиции преданий. Достоверно лишь то, что в 1628-1629 гг. монахом Савватием, «его же иждивением» была устроена на Каменной горе первая деревянная церковь во имя «Пресвятой Богородицы честной иконы Ее Знамения».

Как сообщает о. Геронтий: «При церкви этой тогда же построено было несколько деревянных келлий, в которых жили истые любители монашеского безмолвия. И как обитель эта устроилась с благословения игумена Моисея, настоятельствовавшего в то время в Елецком Свято-Троицком мужском монастыре, то она и подчинялась чиноположению означенного монастыря и находилась под влиянием его настоятелей во все время своего существования, т. е. до 1682 года».

Из «рядных» записей видно, что в этой церкви местные иконы, церковные книги, колокола, священнические ризы и прочее приобретены были старанием не только вышеупомянутого монаха Савватия, но и частью – на мирские пожертвования. Главными благотворителями новоустроенному скиту были воевода Елецкий Любим Шекловитый, «приезжий гость» – купец Григорий Шустов и местный купец Моисей Росихин. Воевода помог монаху Савватию выстроить рядом с первым храмом и второй деревянный храм во имя святителя Христова Николая Чудотворца. Шекловитым для этой церкви были пожертвованы: иконы, Святая Чаша, дискос с прибором, царские врата. «А другие жертвовали и дополнили остальное необходимое», – сообщает иеромонах Геронтий. Тогда же монастырь обнесен был «деревянными кругом стояками». Всего пространства монастырь занимал «3 сажени длины и 16 с половиной саженей ширины».

Собственно о строителе Савватии не известно ничего. О. Геронтий замечает по этому поводу: «Но кто был этот благочестивый старец Савватий, устроивший своим посилием и руками означенный скит на Каменной горе – простой ли инок или священноинок? Летопись не дает нам об этом точных сведений. Быть может, это был один из тех благочестивых рев-

нителей с простотою и смирением сердца, с безмолвием ума, с отложением всякого житейского попечения, предавшийся здесь уединенной, пламенной молитве и действию Духа Божия, одушевлявшего его Божественное служение: "*истинно возлюбивший благолепие дому Господня и место селения славы Его*" (Пс. 25, 8)».

Всего просуществовал мужской Савватиевский скит на Каменной Горе около 60 лет. Дальнейшее его существовование пресеклось, как считает о. Геронтий «частью оттого, что не много находилось истинных подражателей и любителей строгого отшельнического уединения, а более от частых нарушений этой желанной тишины неблагонамеренными людьми, укрывавшимися в чаще лесной от преследований правительства, и скит тогда оставался со всеми своими постройками совершенно брошенным на произвол судьбы».

По рассказам, дошедшим до отца Геронтия через елецких старожилов, иногда скит, которому Троицкий монастырь уделял немного внимания, пустел настолько, что заселяли его временно вместо старцев-иноков бродившие по городу черные старицы или черницы, «вековуши» по-народному...

(Продолжение следует)

Л. МОРЕВ

«НЕ СУДИТЕ, ДА НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ»

Святитель Лука исповедник, архиепископ Симферопольский (Войно-Ясенецкий)

«*Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы*» (Мф. 7, 1). Велика и страшна эта заповедь Христова, ибо все мы, постоянно осуждающие друг друга, повинны Страшному Суду, который сотворит над нами Господь и Бог наш Иисус Христос. Он будет судить нас так за то, что мы судим других, что выискиваем малейшие недостатки в ближних своих, а крупных согрешений своих не видим и видеть не хотим.

«*Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя... Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела и сам делая то же?*» (Рим. 2, 13) Великая истина содержится в этих словах святого апостола Павла! Действительно, мы не замечаем свои недостатки и грехи, предпочитая выискивать грехи наших ближних, и услаждаемся тем, что разглашаем о них повсюду! Мы забываем, что Бог судит нас за всякое осуждение – не будем же восхищать права Самого Господа Иисуса Христа, Единого Верховного Судии, Который Един знает сердца наши, Един только может судить нас по правде и истине.

Мы часто осуждаем своего ближнего, не зная того, что согрешивший брат наш, может быть, глубоким покаянием уже изгладил свой грех. А мы не хотим простить греха, который, возможно, уже простил Сам Бог.

Великий древний мудрец Иисус, сын Сирахов, сказал важные слова: «*Выслушал ты слово – пусть умрет оно с тобой; не бойся, не расторгнет оно тебя*» (Сир. 19, 10).

Умирают ли в вас слова осуждения? Очень редко. Чаще мы износим их повсюду и становимся похожими на мерзких мух, которые садятся на язвы и раны, причиняя зуд и боль, и не дают ранам зажить, раздражая и растравляя их. Так мы злыми осуждениями растравляем душевные раны ближних. Разве не надо нам быть подобными пчелам, которые летают с цветка на цветок, собирают мед и откладывают его в соты? Нам надо собирать мед – видеть все доброе в братьях наших.

Псалмопевец Давид сказал о тех, кто сквернословит, ругается, клевещет и осуждает ближних: «*Гроб отверст – гортань их, языки своими льщаху*» (Пс. 5, 10).

И в другом месте тот же Псалмопевец говорит: «*Оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгонях*» (Пс. 100, 5). А мы останавливали ли тех, кто приходит с осуждением и говорит о недостатках и пороках ближних? Отворачиваемся ли мы от ябедников и злоречивых? А всякое злословие надо изгонять из своей жизни.

Мы часто оказываемся клеветниками, осуждая ближних своих, не зная, что они неповинны.

Великий святитель Димитрий, митрополит Ростовский, говорит: «Не зри на чужие грехи, но на свое зло смотри, ибо не в тех испытываем будешь, но о себе только воздаешь слово. Нет тебе никакой надобности испытывать других, как кто живет, как согрешает, но ты себе внимай: угождаешь ли Богу, подражаешь ли житию святых, приятно ли дело твое пред Богом? Человек, осуждающий иных, как зеркало лукавое, всех в себе изображает, себя же не видит; или как нечистая баня, которая всех моет, сама же в болоте стоит. Так и других судящий: на всех смотрит, как кто ест, как пьет, как согрешает; всех видит, себя же не видит».

Не наше ли это изображение, не о нас ли говорит святитель Димитрий? Не будем же таковыми. Будем просить помощи в нашей борьбе против греха осуждения у Единого Судии Вечного, Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и держава со Безначальным Его Отцом и Пресвятым и Животворящим Духом. Аминь.

Архимандрит Исаакий (Виноградов)

Перед вами воспоминания монахини Анны (Руфины Наумовны Эйнгорн) – духовного чада отца Исаакия. Печатается впервые, по рукописи.

Часть 2

Семья Виноградовых жила в деревне близ Петербурга. Это были скромные, культурные и глубоко верующие люди. Отец преподавал в местной школе и был даже посвящен во чтеца, певца и священосца и часто читал на клиросе. Мать пела в церковном хоре. Часто младенца, завернутого в пеленки и теплое одеяльце, клали на сдвинутые скамьи на хорах, и он мирно почивал под церковные песнопения.

Богослужение, великие церковные таинства привлекали мальчика с детства. С самым серьезным видом, подражая действиям священника, он крестил, сочетал браком, отпевал и хоронил многочисленных кукол своих сестер – старшей Тони и младшей Оленьки. Он устраивал крестные ходы, вовлекая в свои игры сестер с их кукольными семьями.

Порой, как и все дети, они ссорились. Но мир заключался быстро на взаимовыгодных условиях: Ваня обещал не рассказывать, как девочки рядились в длинные материнские платья и пытались надеть туфли на высоких каблуках, а Тоня давала честное слово не говорить, что Ваня большой ложкой ел из банки варенье.

Но посты Ваня любил, особенно строгий Великий пост, и отказывался все семь недель от сладкого.

Мальчик подрастал, и встал вопрос о его серьезном обучении. Он просил отдать его в духовную семинарию, но отец уговорил сына поступить в открывшееся тогда реальное училище.

Петербургское реальное училище находилось на Васильевском острове. Там хорошо были поставлено дело и подобраны знающие и опытные преподаватели.

Новый реалист стал быстро делать успехи и выдвинулся в число лучших учеников.

Ваня Виноградов отличался редкой аккуратностью и прилежанием. Это не мешало ему быть очень резвым и живым мальчиком. В эти годы

Владыка Сергий (справа) с игуменом Исаакием (в центре) и Никоном (слева) в день возведения их в сан игумена 2/15 февраля 1933 г.

он очень увлекался футболом и даже приобрел славу лучшего голкипера (вратаря).

У него было несколько близких товарищей, живших по соседству, и в свободные дни, особенно на каникулах, они весело проводили время все вместе. Их самой любимой игрой была игра в рыцарей. Мальчиков привлекали рыцарские поединки, отвага, высокие идеалы рыцарства, и они объединились в известный им по книжкам Орден рыцарей Круглого стола. Его благородным магистром был, конечно, избран Ваня Виноградов. Как и полагается, был принят строгий устав и герб, на котором был изображен святой Георгий Победоносец с торжественной надписью на латинском языке: «Святой Георгий – покровитель рыцарей».

Следуя выработанным правилам, юные рыцари откладывали свои карманные деньги в общую кассу. Первое июля было объявлено «Днем рыцарства», и тогда собранные деньги ребята относили каким-нибудь особенно нуждающимся известным им одиноким людям.

Чувство рыцарской чести, верность своему слову, взятым на себя обязательствам, отец Исаакий сохранил на всю жизнь.

Как-то, находясь в тесном кругу близких ему людей, Батюшка показал нам вырезанный из плотной бумаги рыцарский меч, который он хранил в кармане в записной книжке. А одна из наших подруг, искусная рукодельница Женя, вышила для него золотом по алому бархату рыцарский герб во славу Георгия Победоносца, почитаемого некогда в Европе, как покровителя рыцарей.

Этот установленный Батюшкой «День рыцарства» остался в нашей памяти, как поэтический праздник его далекой юности. И, слушая рассказы о той счастливой поре, пред нами возникал весь круг жизни, озаренной светлым ореолом скромных чистых радостей и благородных стремлений. И веяло от этого невозвратно ушедшего прошлого каким-то чудным ароматом, пробуждая в душе светлую печаль и восхищение пред тем, кто сохранил в своем сердце живой огонь веры, надежды, любви как дивный дар, ниспосланный Богом на заре его юных лет.

Отец Исаакий писал прекрасные стихи, большая часть которых объединена в поэтический цикл «Недопетые песни». В одном из этих стихотворений он сказал: «Я рыцарь и монах ...» – так верно он понял и исполнил Божие предначертание о себе. Его десница, так часто благословлявшая нас, не раз сжимала меч

в борьбе со злом, и своим щитом, как истинный рыцарь, он ограждал от вражьих стрел всех, кто взывал к нему о помощи.

Шли годы, и вскоре милый, жизнерадостный мальчик превратился в юношу. Но теперь Иван Виноградов твердо отстаивает свое давнее желание – вступить на путь духовной деятельности. И скромный мундирчик выпускника-реалиста сменяет почетная форма студента Петербургской Духовной Академии.

...Приближались последние экзамены. Казалось, желанная цель была достигнута. Но Господу было угодно испытать чистое золото веры будущего Христова воина в огне великих испытаний: так ровно и спокойно текущая жизнь прерывается тяжкими историческими потрясениями.

В 1914 году началась первая мировая война.

Ивана Виноградова призывают в ряды защитников Родины. Вместо желанного монашеского обета он произносит военную присягу. Но и эта неожиданная перемена осеняется благословением Матери Божией: в радостный праздник Покрова Пресвятой Богородицы Батюшка получает звание прапорщика – первый офицерский чин. Ускоренно закончив Кадетский корпус, он попадает на фронт. Ему довелось еще воевать с немцами, сидеть в окопах, принимать участие в яростных атаках, получать ранения.

Грозный и трагический Октябрьский переворот, принесший столько страшных и долгих бед России, да и другим странам, изменил жизнь Ивана Виноградова.

Верный, как всегда, принесенной присяге при получении офицерского звания – служить верой и правдой Государю и Отечеству, теперь уже капитан Виноградов вступает в Добровольческую Белую армию Деникина. С ней он прошел весь их героический и скорбный путь.

Батюшка сражался под командой знаменитого своей храбростью Дроздовского, полк которого состоял из одних только офицеров: командиры и рядовые – все были в чинах.

Это был цвет благородного русского дворянства, отважно и самоотверженно жертвовавшего жизнью ради спасения России.

Хорошо о них сказала известная поэтесса Марина Цветаева, муж которой был тоже деникинским офицером:

В его лице я рыцарству верна,
Всем вам, кто жил и умирал
без страху.
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху!

Во время военных походов и кровавых сражений даже мысль о тихой монашеской жизни казалась почти нелепой, несбыточной мечтой.

Священноисповедник митрополит Николай (Могилевский) (справа) и архимандрит Исаакий (Виноградов), г. Алма-Ата

Но однажды, во время очередной остановки, Батюшке ясно во сне явился святой Варлаам Хутынский и бодро, уверенно сказал: «Будешь монахом!»

Армия Деникина, как известно из истории, победоносно дошла до Тулы. Но в жестокой, кровопролитной битве, нанеся красным отрядам тяжелые удары, все-таки потерпела поражение. Как заметил с грустью Батюшка: «Не дал Бог победы».

Потеряв в тяжелейших боях большую часть своих сил, генерал Деникин с ближайшими своими сподвижниками был вынужден эмигрировать за границу.

Разделяя судьбу многих своих лучших современников, молодой Иван Васильевич Виноградов терпит горькие лишения, скитаясь на чужбине. Как и многие, подобные ему, он голодает, живя то в Турции, то в Болгарии, то в Чехословакии, Германии и Франции, не отказываясь ни от какой работы. Ему даже пришлось продавать иконы и книги духовного содержания.

Но, наконец, мудрый и дальновидный митрополит Евлогий, ненавидимый большевиками, приложив много усилий, открыл в Париже Духовную Академию. Он по-отечески заботился об истекающей кровью Русской Православной Церкви, которую жестоко, безпощадно преследовало и стремилось истребить советское руководство. Одним из первых в числе студентов Парижской Духовной академии стал наш Батюшка.

Окончив полный академический курс, 5 марта 1927 года он принимает монашеский постриг.

В этот день родился новый «сокровенный сердца человек в нетленной красоте безсмертного духа», как говорит апостол Павел.

На трогательном и торжественном чине монашеского пострижения присутствовали старые полковые товарищи, друзья и генерал Деникин.

Митрополит Евлогий, полюбивший за годы учения своего воспитанника, отправил его служить в Чехословакию под началом своего друга, архиепископа Сергия, человека высокой духовности. Здесь, в Праге, около 17 лет протекало служение отца Исаакия.

В Чехословакии находилось много русских эмигрантов, и паства горячо полюбила своего молодого, но внимательного, чуткого и отзывчивого Батюшку, уже тогда приобретавшего славу Пастыря доброго.

Все выше и ярче сияла его счастливая звезда, и довольно скоро плечи отца Исаакия облекла мантия архимандрита.

Так благополучно и счастливо шла жизнь отца Исаакия до Великой Отечественной войны.

Когда победоносный гром русских пушек стал грохотать уже в Европе, многие друзья, горячо любившие Батюшку, убеждали его сменить русское подданство и уехать в Америку. Но отец Исаакий твердо отвечал, что он русский и присягал русскому государю и даже ради спасения жизни не может изменить своему Отечеству, своей чести и совести.

После ужасной бомбардировки в день святого Трифона, 1(14) февраля, сопротивление гитлеровцев было

сломлено, и в Прагу вступили русские войска в сопровождении всех органов власти.

Очень скоро отца Исаакия арестовали, как русского подданного, участвовавшего в Белом движении, как бывшего деникинского офицера, да еще дроздовца. В тяжелейших условиях его по этапу погнали в Караганду, где он должен был пробыть 10 лет в концлагере.

Подобно Самому Господу, спустившемуся в ад, отцу Исаакию суждено было дойти до последней черты бытия и опуститься в «каторжные норы». Он прошел весь тяжкий и страшный путь политического заключенного, но в его душе никогда не угасал священный огонь веры и любви ко Господу, и это чувствовали окружающие его люди. Даже из таких ожесточенных, большей частью морально изуродованных сердец ему удавалось высечь искру горячего сочувствия и уважения.

Не обладая особенно крепким здоровьем, он, конечно, не выдержал бы 10 лет лагерной жизни – 10 лет голода, холода, непосильного, тяжкого труда. Немного смягчало эти нечеловеческие условия хорошее отношение к нему других заключенных, особенно уголовников, которые полюбили Батюшку за его рассказы из Священного Писания, из русской и западной литературы. Высоко образованный и начитанный, отец Исаакий был прекрасно осведомлен в этих, как и во многих других, областях культуры. А рассказчик он был замечательный.

После целого дня собирания на лютом морозе колючего саксаула, идущего на топку, измученные, усталые и голодные люди, получив свой арестантский, скудный ужин, располагались, наконец, на жестких грязных нарах. После очередной проверки, когда все более или менее затихало, они просили отца Исаакия рассказать какой-нибудь очередной «роман». Однажды, потрясенный трагической историей добровольных страданий Христа, один из слушателей со слезами в голосе воскликнул, сжимая огромные грязные кулаки: «Ну, я бы показал им, как мучить Его!» и прошелся по адресу мучителей Господа крепкими русскими выражениями.

Арестанты подбрасывали саксаул в вязанки отца Исаакия, так как не выполнивших нормы лишали даже тех жалких крох, которые выдавались заключенным на ужин.

Батюшка вспоминал, рассказывая нам, каким еще вдобавок унижениям подвергались политзаключенные. У них, например, срезали с одежды все пуговицы, крючки, все застежки, так что приходилось хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь подвязывать соскальзывающие при ходьбе и работе брюки.

Очень тяжело было в банные дни, когда толпе совершенно грязных обнаженных мужчин должна была выдавать крошечный кусочек

Святой священноисповедник Николай митрополит Алма-Атинский и Казахстанский

мыла монахиня, тоже отбывавшая срок в лагере.

Отец Исаакий чувствовал, что очень скоро умрет, так как силы его день ото дня тают, а к концу приближался лишь первый год заключения.

В это тяжелое время ему приснился сон: он увидел себя на дне глубочайшего, темного колодца, а далеко наверху, в светлом кружке его начала, свесился отец Батюшки, который крикнул ему: «Не робей, сынок, потерпи еще немного, скоро мы тебя вытащим».

Удивительным было и другое неожиданное событие: лагерь посетил помощник правящего в республике митрополита Николая Казахстанского. Он раздавал арестантам небольшие иконочки, и отцу Исаакию случайно досталась икона Воскресения Христова. Батюшка увидел в этом добрый знак и немного приободрился.

Среди заключенных находилось несколько священников. По предложению отца Исаакия они договорились в определенный час, каждый у себя, молиться о спасении.

У батюшки в то время не было в России ни родных, ни друзей. Одни, вероятно, погибли во время блокады Ленинграда, другие – в застенках НКВД. За него совершенно некому было хлопотать и ходатайствовать. Но по окончании первого года пребывания в концлагере вдруг, неизвестно по каким причинам, в день памяти Павлина Милостивого неожиданно пришел приказ об освобождении. Это было настоящим чудом!

Господь и Пречистая Его Матерь не покинули своего избранника, так верно и преданно им служившего и всей своей жизнью и кровью запечатлевшего свою горячую к Ним любовь и веру. Но Они пожелали украсить его еще и сияющим венцом исповедника и мученика.

Недавно я узнала, что были обнаружены материалы, свидетельствующие о помощи, которую оказывал отец Исаакий участникам Чехословацкого движения Сопротивления. Полагают, что этим объясняется смягчение приговора.

Отца Исаакия выпустили из лагеря, дав ему указание отправиться в город Актюбинск, находящийся среди безкрайних степей Казахстана.

Многие советовали ему воспользоваться полученной свободой и выбрать себе более привлекательное место жительства – на подобное своеволие часто глядели сквозь пальцы. Но отец Исаакий всегда твердо верил в Промысл Божий и точно исполнил данное ему предписание. И Господь не постыдил его веры. Невозможно было слушать без слез рассказ Батюшки о его переезде в Актюбинск. Приходилось сделать несколько пересадок, иногда несколько дней ожидая поезд, а потом проталкиваться в вагон вместе с другими пассажирами. Для изможденного, слабого человека это было очень тяжело. Вдобавок он заболел, так как желудок, отвыкший от нормальной пищи, пришел в полное расстройство. Во время одной из таких пересадок, очень страдая от вокзальной тесноты, духоты и грязи, Батюшка упросил какую-то женщину пустить его переночевать. Хозяйка уложила его спать на полу и, сжалившись над этим измученным и обезсилевшим человеком, поставила для него в коридоре ведро, чтобы он не выбегал

каждые полчаса на холод и дождь темной осенней ночи. Особенно тепло Батюшка вспоминал о большом пушистом хозяйском коте, который, приветливо мурча, пришел и пролежал у него на животе всю ночь, согревая его и успокаивая желудочные спазмы.

Прибыв, наконец, в Актюбинск, Батюшка явился, как предписывалось, в местное отделение НКВД. Он попросил разрешения работать в местном храме хоть уборщиком или сторожем. Ему разрешили, и он был принят читать на клиросе. Во время своего первого причастия перед Святой Чашей, как обычно, он назвал свое имя. Священник с изумлением взглянул на него, пораженный, что скромный, только что принятый, новый чтец назвался архимандритом Исаакием.

Вскоре в Актюбинск прибыл митрополит Николай Казахстанский, объезжавший свою огромную по территории епархию.

С этого места мы начинали радостно улыбаться, зная о счастливом повороте, тоже довольно чудесном, в жизни дорогого нашего Батюшки.

Высокому гостю рассказали о новом чтеце и представили ему отца Исаакия. Они разговорились, и оказалось, что митрополит Николай отлично знал и любил архиепископа Сергия, под началом которого в Праге начал свое служение Батюшка.

Митрополит Николай легко уладил все формальности в НКВД и увез с собой в Алма-Ату отца Исаакия.

Происходит истинное воскресение, восстание из мрачных пропастей земли, где отец Исаакий свершил великий подвиг веры и терпения, когда грубое насилие и безчеловечная жестокость стремились загасить чуть тлевший огонек его жизни.

Новые встречи, новые благоприятные обстоятельства помогли восстановить силы отца Исаакия, и он возвращается к славному и святому своему служению у Престола Божиего.

10 лет прожил отец Исаакий в Алма-Ате, спокойно и счастливо выполняя свои высокие обязанности священнослужителя под началом митрополита Николая, которого Батюшка всегда называл своим благодетелем и покровителем. Митрополит Николай, действительно, тепло обласкал отца Исаакия, всячески стараясь вознаградить его за тяжкие страдания, перенесенные им. Добрый и отзывчивый, духовно высоко одаренный, чуткий митрополит Николай очень привязался к Батюшке, всей душей полюбил его и до самой своей кончины не расставался с ним.

Только случившийся инфаркт миокарда нарушил мирное течение жизни отца Исаакия в Алма-Ате. Но, по милости Божией и благодаря хорошим условиям, внимательному, заботливому уходу, Батюшка сравнительно скоро вполне оправился и смог вернуться к своим служебным обязанностям.

Архимандрит Исаакий с посохом, которым его наградил в 1958 г. Святейший патриарх Алексий I

В Алма-Ате, как всюду и всегда, отца Исаакия горячо полюбили, образовался целый круг друзей и знакомых. Среди них была Нина Михайловна Штауде, в прошлом серьезный ученый, член-корреспондент Академии наук СССР, уважаемая и ценная сотрудница Пулковской обсерватории. Она была ближайшей помощницей известного академика Тихова, крупного ученого-астронома. Когда началась черная година репрессий, когда методично и последовательно начали истреблять интеллигенцию, ряды которой и так уже сильно поредели после первых лет существования советской власти и жестокой безумной политики, так называемых ее «вождей» – деспотов и убийц, академик Тихов был арестован. От его сотрудников и учеников под страшным нажимом стали отбирать «показания», свидетельствующие о его якобы шпионской и антисоветской деятельности. Нина Михайловна Штауде была одной из немногих стойких, принципиальных людей, и наотрез отказалась подписать эти клеветнические фальшивки, несмотря на всякие угрозы. За это она, маленькая, болезненная и слабая женщина поплатилась шестью годами пребывания в концлагере. При знакомстве в Алма-Ате с отцом Исаакием выяснилось, что она была дочерью одного из преподавателей Петербургского реального училища, в котором некогда учился Батюшка. Через некоторое время после знакомства с ним Нина Михайловна приняла монашеский постриг.

Умирает митрополит Николай, и его любимца, как это часто бывает в таких случаях, тайные раньше завистники стали преследовать злостными клеветническими нападками. Отец Исаакий уехал в Москву по вызову патриарха Алексия I, пригласив с собой Нину Михайловну, тогда уже в преклонных летах, которую Батюшка, и мы вслед за ним, называли тетей Ниной.

Их приветливо встретила Троице-Сергиева Лавра. Отец Исаакий по распоряжению патриарха Алексия, близко знавшего владыку Сергия и митрополита Николая и много слышавшего от него о Батюшке, поселился в монастыре, а тетя Нина легко нашла себе пристанище близ Лавры и очень часто посещала Батюшку. Так они прожили счастливых, по их словам, девять месяцев.

Но, несмотря на усиленные старания и ходатайства Святейшего патриарха Алексия, на прямые и в обход сделанные попытки, отцу Исаакию отказали в прописке. Сочли невозможным разрешить бывшему деникинскому офицеру и каторжнику поселиться так близко от столицы, видя в этом некую угрозу для ее высокопоставленных обитателей.

Патриарх Алексий I с глубокой грустью расстался со своим сыном, как он назвал Батюшку, которого за девять месяцев искренно и душевно успел полюбить, и определил его служить в третьем по величине в России храме – Елецком Вознесенском соборе.

4 апреля 1958 года, в день весеннего празднования памяти святого Исаакия Далматского, отец Исаакий прибыл в нашу епархию и через пару дней приехал в Елец.

(Продолжение следует)

К маме

Ну и погода была! Ветер дул со страшной силой, бросая в лицо клочья мокрого снега с дождем. С крыш срывались сотни капель подтаявшего снега и, подхваченные ветром, тоже летели в лица прохожих. Последние морщились, ежились, нахлобучивали шапки и поднимали воротники, но все напрасно! Под ногами образовалось какое-то тесто из снега, дождя и песку, посыпанного вчера дворниками на тротуары. Все старания «прибавить шагу» пропадали даром, так как ноги ползли по этому тесту во все стороны, и ежеминутно приходилось употреблять все усилия, дабы сохранить равновесие. И вот в такую-то погоду я должен был бежать в другой конец города по неотложному делу. Собравшись с духом, я покинул свою теплую комнату, из окна которой только что наблюдал за борьбой прохожих с расходившимися стихиями. В продолжение 10-12 минут я боролся с ветром, но потом почувствовал, что силы покидают меня. Окинув безпомощным взором улицу, я увидел медленно приближающийся вагон конки.

Немного времени спустя, я уже входил в переполненный пассажирами вагон. Какая-то очень полная барыня подвинулась, и я занял возле нее место. Облегченно вздохнув, я окинул взором своих соседей.

Публика, наполнявшая вагон конки, была самая, как говорят, разношерстная. Тут был и седой отставной генерал, мрачно поглядывавший вокруг и также мрачно пробегавший глазами свежий номер местной газеты, и полупьяный сапожник, яростно доказывавший что-то своему соседу, краснощекому парню, и кухарка с корзиной, полной провизии, и какая-то разряженная барыня, шумевшая своими шелками при каждом движении, и еще много других пассажиров. Все шумели, громко разговаривали и смеялись. Сапожник даже попробовал что-то спеть, но генерал строго посмотрел на него, и он сразу притих.

На одной из остановок в вагон вошла маленькая и худенькая девочка, очень бедно одетая. Она, вероятно, очень озябла, потому что ее пальто было все покрыто заплатами, чулки и ботинки были в дырах, на голове – простенький ситцевый платок. Войдя в вагон и увидев столько глаз, обращенных на нее, она, видимо, сконфузилась и, безпомощно посмотрев по сторонам, остановилась у дверей вагона и опустила глаза. Мне стало ее жаль, и я, потеснивши слегка моих соседей, очистил ей местечко.

Робко взглянув на меня, она едва слышно прошептала «спасибо» и как-то боком уселась рядом со мной. В руках у нее был маленький узелок, в котором виднелось 2-3 яблока и половина французской булки.

– Куда ты едешь? – спросил я у нее, стараясь придать своему голосу больше ласковости.

– К маме, – тихо ответила она, не поднимая глаз.

– А где ж твоя мама?

– Мама в больнице лежит, – тихо ответила девочка и еще ниже опустила головку.

Видя, что мои расспросы тяготят ее, я прекратил их, но изредка все-таки поглядывал на свою соседку. Она продолжала сидеть все в прежнем положении, не поднимая головы. Прошло несколько минут. Вагон остановился. Несколько пассажиров ушло, их тотчас же сменили другие. Среди последних находилась какая-то бледная и худая женщина лет сорока, довольно бедно одетая. Проходя мимо девочки, она взглянула на нее и остановилась.

– Нюнька, ты куда это? – спросила она, ласково улыбнувшись.

Девочка подняла глазенки, взглянула на говорившую и тоже улыбнулась.

– Тетка Марья, – радостно проговорила она и, вскочив с лавки, подошла к женщине и взяла ее за руку.

– Куда едешь-то, а? – повторила последняя свой вопрос.

– В больницу, тетя, к маме.

– И гостинец, стало быть, ей везешь? – спросила вошедшая, указывая на узелок.

– Ей, а то ж кому! – отвечала девочка, продолжая улыбаться.

И прибавила:

– Ты, тетя, садись, а я постою. Вот тут место есть, – и она указала на лавку возле меня. Марья села. Девочка стала возле и прислонилась к ее колену.

– Племянница ваша? – спросил я, указывая на девочку.

– Нет, барин, она не родственница мне. Это она так себе меня теткой-то называет.

Марья погладила девочку по голове и, вздохнув, сказала:

– Горемычная ты моя девочка! Эх, исхудала-то! Чай, все за работой сидишь? Тятька не дерется?

– Дерется, – тихо ответила девочка, и опять ее личико затянулось облачком грусти.

Тетка Марья опять вздохнула и сокрушенно покачала головой.

Меня заинтересовала эта маленькая страдалица и я, указывая на нее, спросил Марью:

– Чья она?

– А сапожникова дочка, сапожника Федотова – не знаете?

И, не дождавшись ответа, словоохотливая баба заговорила своим жалобным, монотонным голосом:

– Вот, сударь, дите хоть малое, а сколько оно муки вынесло!.. Отец у

нее пьяница и дурак! Жену до смерти забил, в больницу ее положили теперь, да не поправится она! Теперь девчонку, окаянный, лупит! Она все коробочки лепит, да цветы делает из бумаги и продает, и на эти деньги он, ирод, напивается! Кой-когда урвет она от него деньжат немного да матери гостинца купит. Вот и теперь: самой, небось, вот как хотелось бы чайку попить с булочкой, а она матери яблоков купила!

И Марья погладила девочку по голове.

– И как любит мать-то! – продолжала она, помолчав немного. – Как придет в больницу, сейчас это побежит к постели, где мать лежит, на коленки станет перед ней и плачет – разливается. А та тоже себе в слезы! Ох, ох-ох! И на что это на свете столько людям горя положено!

С этими словами она опустила голову и замолчала. Через минуту она отерла непрошенную слезу и заглянула в окошко.

– Ох, батюшки, чуть было не проехала! – вскрикнула она и вскочила с места. Поцеловав девочку и поклонившись мне, она поспешно вышла из вагона.

Я взглянул на свою спутницу. Она сидела молча, опустив голову, и перебирала пальчиками платок с яблоками. Ее худенькая, сгорбленная фигурка и личико с выражением недетской печали заставляли сердце сжиматься с какой-то ноющей болью. Сколько горя, в самом деле, выпало на долю этого маленького и слабого ребенка! Труд, лишения, голод, побои, ругань! Вот удел этого беззащитного существа!

Конка остановилась. Девочка встала и, не поднимая глаз, медленно пошла к выходу. Вот она скрылась за дверью, и я откинулся на спинку дивана. Как вдруг на улице раздался страшный нечеловеческий крик. Не успел я опомниться и вскочить, как вагон сразу остановился. Я быстро вскочил и бросился к дверям, но выбраться на улицу было трудно, так как все пассажиры тоже вскочили и столпились в дверях. А там за дверью – суета, шум и крики усиливались.

– Держи его, держи! – кричал чей-то неистовый голос.

– Извозчик! – надрывался другой.

Наконец, я вырвался на площадку.

Взглянув туда, вниз на мостовую, я не мог удержаться от крика, и сердце мое сжалось до боли. На мокрой и грязной мостовой, раскинув ручонки, лежала малютка, моя спутница. Вокруг сновали люди, рвали носовые платки, хватали грязный снег и суетливо бегали взад и вперед. Замешавшись в толпу, я протискался вперед. Анюта лежала без движения. Мертвенно бледное лицо было все в крови, на лбу виднелась рана. Голова была как-то неестественно искривлена на бок, платочек сбился, и виднелись волосы, смоченные дождем и кровью. Лицо было спокойно и попрежнему грустно. Только губки сложились в еще более грустную и печальную улыбку. В правой ручонке она крепко сжимала свой узелочек с подарком маме.

– ...А тут лихач налетел, да как вдарит!.. – размахивая руками, докладывал подробности происшествия городовому какой-то оборванец.

«К маме... Мама в больнице лежит...», – припомнились мне слова убитой, и слезы навернулись на глаза. Бедная девочка! Твои страданья окончены! Не дождется тебя сегодня больная мать, не дождется, хотя и будет с мучительной тоской ожиданья поглядывать на дверь и ждать, не вбежит ли ее ненаглядная дочка! Не дождется своей дочки и пьяный отец.

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ,
№ 26, 1904

Учимся вместе с детьми

Письмо от Бога

Беседа 9

Дорогие ребята!

Из всех книг, которые только есть на свете, самая правильная, добрая, полезная – это Святая Библия. Эту книгу написал для нас Сам Бог, через святых людей – пророков и апостолов.

Библия – это словно письмо Бога к людям. Это письмо к нам нашего Небесного Отца, Который очень любит нас.

Большое зло, великий грех, когда человек не верит в Бога и не хочет про Него знать.

Представьте себе человека, который всем делает добро, только своего родного папу не любит, никогда не ходит навестить его, бросил его и знать о нем ничего не желает. Разве это хорошо? Так и неверующие люди – не хотят знать о своем родном Отце – о Боге.

И вот Бог послал письмо к людям – Библию, чтобы рассказать нам о Себе и о том, как Он любит нас. Бог надеется, что мы услышим слова Библии, почитаем их сами и перестанем делать зло, поверим в Него сильно-сильно и начнем служить Ему добрыми делами.

Каждое слово Библии – это слово Самого Бога, каждое слово Библии имеет великую силу и проходит до глубины души человеческой, в самое сердце.

Так однажды два монаха, находясь в путешествии, зашли отдохнуть в гостиницу. Здесь они встретили одну очень грешную женщину вместе с веселой компанией молодых

людей. Старцы монахи сели вдали от них. Один из них вынул из сумки Святое Евангелие и стал читать. Евангелие – это главная часть святой Библии. Грешная женщина, которая была с молодыми людьми, увидела, что старец читает, оставила веселую свою компанию, подошла и села около старца. Она слушала слова Божии и не могла оторваться. Она слушала как в Евангелии рассказывалось о Сыне Божием – Иисусе Христе, Который сошел на землю и стал человеком, чтобы спасти от грехов и от ада таких же грешников как и она. В ее сердце оживала надежда, что Сын Божий может простить и ее, что Он может помочь ей стать на путь добра.

Старец-монах сказал ей: «Несчастная, у тебя совсем нет стыда, ты даже не постыдилась подойти к нам и сесть!» Она отвечала: «Нет, отец, не прогоняй меня. Я очень грешна, но ведь в Святом Евангелии написано, что Иисус Христос не прогнал пришедшую к нему блудницу». Старец сказал ей: «Та женщина-блудница после уже не стала грешить». Она же отвечала ему: «Надеюсь на Сына Божия, что Он поможет и мне больше не грешить».

Тогда старцы увидели ее веру и горячее желание исправиться. Они сжалились над ней и взяли ее с собой. И пошла она с ними, оставив молодых людей и все, что имела. Старцы отвели ее в женский монастырь, где она и спасла свою душу.

Вот какую силу имеют слова Божии, написанные в Библии. Недаром говорится в этой же Священной Книге: «*Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча: оно проникает до разделения души и духа*» (Евр. 4, 12).

Слова Библии помогают нам в трудную минуту. В городе Задонске Липецкой области живет одна верующая женщина. Ее дочь поступила учиться в университет в один из больших городов. И хотя девушка хорошо училась в школе, но в университете поначалу ей было очень тяжело. Она до двух и даже до трех часов ночи делала уроки и все равно не успевала хорошо подготовиться. Да еще и преподаватель была к ней очень строга. Девушка не высыпалась, очень переживала, нервничала, а улучшений в учебе и в отношениях с учительницей не наступало. Девушка была почти в отчаянии и однажды так глубоко ушла в свои переживания, что чуть было не попала под машину.

Но Бог, Который нас очень любит, помог ей. Сразу после случая с машиной она вдруг встретилась на улице с несколькими монахинями. Это были женщины, одетые во все черное, они подарили ей книгу, которая называлась «Новый Завет» и сказали: «Доченька, тебе сейчас очень плохо, возьми эту книгу, она поможет тебе». Новый Завет – это важнейшая часть Библии. Новый Завет делится на две части – Евангелие и Апостол.

Иисус и грешница

Девушка взяла Священную Книгу и, посмотрев вокруг, не увидела больше этих монахинь. Они словно куда-то исчезли. Кто они были – остается тайной.

Но так бывает не всегда. Чаще всего на вокзалах и улицах городов безплатно дарят книги не православные христиане, а сектанты, которые искажают слова Господа Иисуса Христа в своих книгах. У сектантов лучше всего никаких книг не брать. А если взяли, то их надо обязательно показать православному священнику, чтобы он сказал – можно их читать или нет. Если священник скажет, что это настоящая Библия, Новый Завет или Евангелие, то можно будет читать эти книги. А если батюшка увидит, что они испорчены ложью, их следует уничтожить, чтобы не повредить своей душе.

Девушке достался настоящий Новый Завет. Она стала его понемножку читать, и ей становилось хорошо на душе, она успокаивалась. А когда снова начинала нервничать – вновь читала святые слова Божии, и вновь ей становилось мирно и спокойно.

Постепенно к девушке вернулось хорошее настроение, бодрость, жизнерадостность. А вскоре наладились и учеба, и отношения с преподавателями. Теперь эта девушка-студентка никогда не расстается с Новым Заветом – так она полюбила эту книгу. Ходит она и в православную церковь, где благодарит Господа за помощь и просит Бога помогать ей всегда.

Слова Библии отгоняют от нас и бесов – нечистую силу. Так, один монах жил одиноко в горах Кавказа, где в тишине постоянно молился Богу. Однажды ночью он услышал за стеной своей кельи (жилища) какой-то шум. Он открыл дверь и вдруг весь похолодел от ужаса. Перед ним шла похоронная процессия. Группа людей со свечами несла гроб, в котором лежал мертвец. Эти странные люди пели не: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего», а повторяли нараспев: «раба Твоего, раба Твоего». Вне себя от ужаса монах закричал, что есть сил слова из Библии, из 67 псалма: «*Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящи Его, яко исчезает дым да исчезнут…*». Услышав эти святые Божии слова люди, несшие гроб, испугались, бросили гроб с покойником на землю и стали разбегаться кто куда. В конце концов и сам мертвец вскочил из гроба и побежал вслед за остальными. В страхе захлопнув дверь, монах еле-еле успокоился. Он понял, что под видом людей приходили бесы – падшие ангелы. Они хотели напугать его, помешать молитве, но были побеждены силой священных слов псалма.

Псалмы – это тоже очень важная часть Библии. Всем известен девяностый псалом. Он начинается словами: «*Живый в помощи Вышняго …*».

Мы должны каждый день читать Святую Библию: немножко из Евангелия, немножко из Апостола и несколько псалмов, чтобы наша душа становилась чище, добрее, чтобы святые Божии слова давали нам

силы жить и делать добро, чтобы отогнать от наших жилищ диавольскую силу.

И пусть у нас мало времени или мы сильно устали, но хоть немножко из Библии мы должны обязательно почитать. Но только это нужно делать каждый день.

А кто не читает Библию, тот постепенно все реже, реже вспоминает о Боге, душа его становится холодной, этот человек постепенно перестает любить Бога и начинает творить зло. И если он не исправится, не начнет ходить в церковь, исповедоваться, причащаться, молиться, читать Святую Библию и делать добро, то после смерти его холодная и злая душа пойдет в ад на вечное мучение.

Ведь Бог не только любящий Отец, Он еще и справедливый Судия, награждающий добрых и наказывающий злых.

Но стоит только человеку попросить прощения у Бога, исповедовать свои грехи перед священником, причаститься Святых Христовых Таин и искренне захотеть исправиться (пусть даже это будет за несколько минут до смерти), – Милосердный Господь сделает все, чтобы эта душа была спасена от вечного ада. Но успеет ли человек перед смертью исповедаться и причаститься? Неизвестно. Поэтому всем нам поскорее исправляться нужно и чем раньше, тем лучше.

ИЕРОДИАКОН ГАВРИИЛ (МЕЛЬНИКОВ)

Христианская поэзия

Луч свечи, мятущиеся тени,
Темный храм, запущенный притвор.
Отзвуки забытых песнопений,
Чудится, летают до сих пор.

Но лампады свет давно не льется,
Освящая души и сердца,
Возглас иерея не несется,
Славя Духа, Сына и Отца.

Нет престола, врат и колокольни,
По утрам не слышен перезвон...
На душе так горько, сердцу больно —
Почему дом Божий разорен?

Ведь прошла пора войны и смуты,
Годы затяжного мятежа,
И расстрелов вечные минуты,
И эпоха нар и грабежа,

Век непроходимого безбожья,
Время лихолетия, когда
Русь пошла дорогой бездорожья
И пришла неведомо куда —

Все прошло, ушло... Так отчего же
Есть еще по селам-городам
Храмы, где не славят имя Божье
Люди, позабывшие про храм?

Инокиня Любовь (Коновалова)

Вышел путник на дорогу.
Ждет его нелегкий путь.
Он идет навстречу Богу,
И с дороги не свернуть.
Впереди — ухабы, камни,
Пыль, песок, вода и снег...
Только путь его — путь дальний
И ведет в безсмертный век.
Путник вымокший, голодный
Не грустит о жизни сей.
Он в душе своей свободный
И идет вперед по ней.

Ни ветра, ни холод, стужа —
Ни препятствия в пути —
Ведь ему Господь лишь нужен
И к Нему спешит идти.
Его буря настигает,
С ног сбивает вихрь, метель...
Только он дорогу знает,
Поднимаясь вновь с колен.
Сквозь леса, пустыни, горы,
Океаны непогод...
Направляет к небу взоры
И безропотно идет.

И горит в сердечке верном
Пламя жаркое о том,
Чтобы в будущем и вечном
Быть навеки со Христом.
Эта вера согревает
В холод плачущей ночи,
А любовь его питает
Вместо каменной печи.
Укрывает от несчастья
Упованье на Христа.
И несет покой и счастье
Путь нелегкого Креста.

Е. Х., г. Елец

Оторвали Мишке лапу...

Появился в группе плюшевый Мишка. Как он здесь оказался? Мишка и сам удивленно смотрел на ребятишек и чуть-чуть им улыбался. Малыши гурьбой кинулись к нему. Каждый тянул к себе, кто за ухо ухватился, кто за шею...

– Я хочу!

– Мой Мишка!

– Отдай! – раздавались детские голоса. Даже кто-то кого-то толкнул, кто-то – заплакал. И вдруг – треск... Все замерли, а потом, увидев, что у медвежонка отлетела лапа, стали возвращаться к своим игрушкам.

Брошенный Мишка смотрел на ребят и продолжал им чуть-чуть улыбаться.

К нему подошла девочка Лена. Хотя Леночка была маленькая, но сердце у нее было большое. Когда все малыши набросились на новую игрушку, она пыталась их остановить. Ей казалось, что Мишке больно. Она чувствовала его боль, как будто это ее раздирали на части. Но ее голосок тонул в общем гаме.

Когда все бросили Мишку, и он, искалеченный, валялся на полу, она его подняла и прижала к себе:

– Не плачь, Мишенька, не, думай, что ты никому не нужен! Я буду с тобой дружить.

Потом, когда Леночка выросла, и у нее появилась маленькая дочка, она рассказывала ей о своем детстве и читала замечательные стихи:

Уронили Мишку на пол,
Оторвали Мишке лапу.
Все равно его не брошу,
Потому что он хороший.

И маленькая дочурка, учась утешать, лепетала:

Все равно его не брошу,
Потому что он хороший.[1]

Б. ГАНАГО. «ДЕТЯМ О СЛОВЕ»

[1] Стихи Агнии Барто

Слепой мальчик

Мальчик-мальчик... Бедный мальчуган... За чьи-то грехи родился слепым.

Горе. Какое горе! Побудь в нем хоть пять минут. Закрой глаза, пройдись, найди одежду, зубную щетку, умойся... Догадайся по звукам, кто рядом... А представь, каково ему – он не видит всегда.

У Саши есть бабушка. Она ласкова с ним и верит, что внук прозреет. Они приходят в храм праведного Иова Многострадального. Бабушка ставит малыша в уголок и шепчет:

– Послушай молитву.

Саша слушает хор и говорит:

– Как красиво молятся.

Потом сам просит:

– Матерь Божия, дай мне свет.

Бабушка, чтобы не мешать молящимся, выводит его во двор. Он и там вновь и вновь молит: «Матерь Божия, помоги! Матерь Божия, дай мне свет!»

Может быть, Господь хочет, чтобы и ты помолился о слепом?

Б. ГАНАГО. «ДЕТЯМ О МОЛИТВЕ»

Просьба не использовать альманах в хозяйственных целях

Просим имеющих возможность оказать благотворительную финансовую помощь на издание альманаха «Задонский паломник». Деньги высылать на адрес монастыря с пометкой: «На издание "Задонского паломника"».

Желающим можем высылать альманах «Задонский паломник» по почте. Для этого просим присылать свои заявки на адрес монастыря с пометкой: «Для "Задонского паломника"».

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14,
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55
выходит с 2000 г. *Тираж 990 экз.*

Яко же в чистой и тихой воде удобнее солнце видится, нежели в возмущенной и волнующейся, тако вечное и духовное Солнце – Бог удобнее в тишине и покое верою и умным оком познается, нежели в безпокойстве и людской молве. От сего источника, как струи живые, проистекают христианские добродетели с помощью Святого Духа.

Святитель Тихон Задонский